ГЕНДЕР И ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Кирилина Алла Викторовна

Московская международная академия, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются происходящие на рубеже XX–XXI веков трансформации в понимании глобалистского тренда к отказу от бинарной модели гендера и его соотносительности с полом, а также от фундаменталистской патриархатной модели гендера и их взаимодействие в нашей стране. Охарактеризована также история развития и основные особенности, результаты и проблемы гендерной лингвистики в России.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, глобализация, небинарная модель гендера, патриархатный фундаментализм

Гендерная лингвистика в начале третьего тысячелетия характеризуется рядом черт, для объяснения которых мы выделим две группы факторов:

1. *Внешние факторы* – это изменения прагматического контекста гендерных исследований в мире и связанное с ними изменение социальной и научной концептуализации гендера, то есть новое понимание объекта исследования, возникшее под влиянием происходящих в мире перемен.

2. *Внутренние факторы* – это специфика развития гендерной лингвистики в России.

Обе группы не имеют непреодолимой границы и тесно друг с другом связаны.

Гендерная лингвистика как часть междисциплинарных гендерных исследований существует уже около пятидесяти лет, и за это время прошла «путь от признания гендера как аналитической категории, обозначающей половую роль, сформированную в процессе социализации, до интерпретации гендера как изменчивого социального конструкта, производимого в социальных структурах и воспроизводимого в рутинных взаимодействиях» [Здравомыслова, Темкина 2015: 23].

Понятие «гендер» в значении «социокультурный пол» применяется с конца 50-х – начала 60-х гг. XX века. Первоначально оно отражало социально-философский пафос обоснования и утверждения идеи о природной и социокультурной составляющей в современной модели человека, предполагая и некоторый параллелизм этих составляющих.

Начальный период развития и гендерной лингвистики, и гендерных исследований в целом ознаменован созданием *дуальных* описательных и объяснительных моделей гендера. И Новое женское движение, возникшее на волне студенческой революции 1968 г., и социальная философия постмодернизма, и формирующаяся в то время феминистская лингвистика на этом этапе были сосредоточены на доказательствах социальных причин неравенства между полами и акцентировали в первую очередь

дискриминацию женщин, в том числе – в языке и коммуникации [Бовуар 1997; 1949; Janssen-Jurreit 1975; Borneman 1991 (впервые в 1971); Coats 1986; Lakoff 1973; Samel 1995]. В этот период наряду с алармистскими трудами [Trömel-Plötz 1978; 1982a; 1982b; Pusch 1981; 1990] были сформулированы важные междисциплинарные положения гендерной теории [Lakoff 1973; Goffman 1976; Scott 1986; Samel 1995 и др.]. В самых общих чертах они сводились к следующему: гендерные отношения – важный аспект социальной организации; гендер не столько индивидуальная, сколько социальная категория.

Основные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех взаимосвязанных компонентах:

- 1) культурные символы;
- 2) нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах;
- 3) социальные институты и организации;
- 4) самоидентификация личности.

Термин *гендер*, таким образом, использовался для описания социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским», то есть «при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин» [Пушкарева 1999: 16]. В этот период речь шла преимущественно о женских исследованиях (women's studies); важную роль сыграло феминистское движение.

Однако параллельно происходили и эпистемологические изменения в гуманитарном знании, связанные с развитием постструктуралистских/ постмодернистских теорий, в связи с чем менялись и познавательные установки. Все это стало эпистемическим фоном для концепции гендеризма И. Гоффмана [Goffman 1994; 1977]. Названный автор показал, что биологический пол является лишь отправным моментом для социально значимого разделения общества на два класса и для создания разных норм для членов того или иного класса. Для описания социальных аспектов пола И. Гоффман вводит термины *гендеризм* и *гендерный дисплей* (проявление), к которому он относит все культурные составляющие пола – гендерные стереотипы, полоролевые нормы и полоролевую идентичность. Основными движущими силами гендеризма он назвал *институционализацию* и *ритуализацию пола*. Социализация – вхождение личности в общество, ее адаптация в нем – происходят через социальные институты семьи, школы, религии, политики, средств массовой информации и рынка труда. Гендер развивает благодаря этому точные признаки мужского и женского, которые в то же время и создают обоснование различного отношения общества к мужчинам и женщинам, что и создает *гендеризм* – идеологизированную и пронизывающую всю жизнь систему социальной значимости пола.

Гендер, по И. Гоффману, является также составляющей многих ритуалов. Вся ритуальная жизнь общества пронизана дихотомией «мужское – женское». Имена, формы обращения, голоса, прически, одежда, самопрезентация ритуализуют гендерную идентичность. Совершение ритуальных действий регламентируется обществом; ритуальные нормы, известные всем участникам коммуникации, формируют круг ожиданий людей и их готовность вести себя в соответствии с этими ожиданиями, которые символизируют и реконструируют общественный порядок.

Концепция И. Гоффмана заложила основы немарксистского научного подхода к проблеме гендера.

В дальнейшем, в 80-е годы XX в., утверждалось понимание гендера не только как так называемого *женского вопроса*, но и как проблемы всестороннего исследования женственности и мужественности и связанных с ними социальных и культурных ожиданий. Кроме того, в 1980-е годы оживились и обновились конструктивистские идеи (см., например, [Einführung in den Konstruktivismus 1992]), оказавшие решающее влияние на развитие всех гуманитарных дисциплин и имеющие сегодня статус пан-методологии гуманитарного знания.

Таким образом, в историческом ракурсе к началу 90-х гг. XX века различают три этапа формирования гендерных исследований (подробнее см. [Кандиоти 1992]):

1. «Алармистский» этап. Основное внимание уделялось андроцентрическому отклонению в общественных науках, критике интерпретационных возможностей социальной теории, изложенной с мужской точки зрения, акцентировалась дефектность традиционной патриархатной эпистемологии. Такая постановка вопроса получила свое развитие в первую очередь в постмодернистских трудах.

2. Этап «феминистской концептуализации». Его главной целью была разработка отчетливых ориентиров в феминистской теории и практике. В этот период создаются несколько направлений феминистски ориентированной науки (феминистский психоанализ, феминистская лингвистика), не скрывающих своей идеологической ангажированности. Активно осваивается постмодернистская теория для обоснования феминистского мировоззрения и исследований.

3. «Постфеминистский» этап характеризуется появлением «мужских исследований» и осмыслением проблем анализа того, как гендер присутствует, конституируется и воспроизводится в социальных процессах. В область гендерного анализа включаются оба пола, их отношения и взаимосвязи с социальными системами разного уровня (см. [Кирилина 2000: 39 и след.]). Проверены гипотезы и выявлены заблуждения феминистской критики языка [Kotthoff 1996].

На рубеже третьего тысячелетия произошло резкое ускорение глобализационных процессов, усилилась идеология формирования глобальной идентичности, а также ярче проявилось влияние идей постмодернизма и радикального конструктивизма – последний оказался очень плодотворным для гендерной теории и завершил теоретическую легитимацию понятия гендера, которое вне конструктивизма не имело бы смысла.

В 1990-е годы возникло направление, исследующее только мужественность, было сформулировано положение о том, что маскулинность множественна, имеет разные проявления в любом обществе; главное из этих проявлений получило название *доминирующей / гегемонической / главенствующей мужественности* (hegemonic masculinity) [Theory & Society 1993]. 1990-е годы называют периодом постфеминизма, так как в это время значительно нивелировался феминистский алармизм в западном обществе¹ (заметим, однако, что под влиянием все более явно проявляющегося

¹ Характеризуя прагматический контекст гендерных исследований в Европе и Америке, необходимо отметить западоцентричность выводов, принятых в описываемом научном пространстве и часто некритично переносимых на почву других языков, стран и культур. Эту особенность гуманитарного научного дискурса необходимо постоянно иметь в виду при обсуждении развития гендерной лингвистики, что, разумеется, совсем не означает отторжения любой зарубежной концепции. Мы лишь должны помнить слова Серио: «В

фактора глобализации начался более интенсивный феминистский дискурс на постсоветском пространстве, захвативший и бывшие социалистические страны, называемые ныне странами восточной Европы).

Сегодня, на рубеже XX–XXI вв., следует констатировать ревизию научных представлений о гендере.

В период миллениума гендерная лингвистика преподнесла научному сообществу немало сюрпризов вследствие мощной трансформации модели человека, которая происходит сегодня прежде всего по линии гендера и детства. Одна из существенных черт смены технологий и глобализации – не только изменение модели человека, но и повышенная, по сравнению с предыдущими периодами, наблюдаемость этого процесса.

Человек мыслится и становится все более динамичным и независимым от самой «изначальной природы» гомо сапиенс. Это связано как со спецификой эпохи, так и с политическими факторами. Новые научные открытия и новые технологии меняют и биологическое, и социальное в человеке.

Политический, социальный заказ акцентирует общественное внимание на тех или иных сторонах жизни и поведения человека, усиливая или подавляя их, в том числе через создание и внедрение новых метафор, новых категоризаций, новых видеорядов, новых дискурсов и т. д. Вызванные этим трансформации наиболее заметны в отношении гендера и детства.

Главные инновации (и это типично для современности) бытуют в форме потоков, то есть существуют и распространяются в виде процессов, происходящих внутри каких-либо областей, переходят их границы, но все же не охватывают их целиком. К ним мы относим следующее:

1) глобалистское признание человека изменчивым, «множественным», выходящим за пределы дихотомии пола (мужское / женское), акцентуация множественности гендера;

2) одновременное сосуществование и столкновение глобалистских и традиционных концепций гендера / пола;

3) глобалистское рассмотрение категорий «пол» и «гендер» как полностью автономных друг от друга, в том числе релятивизация и даже негативизация понятия биологического пола в свете усиления радикального конструктивизма;

4) усиленное разрушение (деконструкция) прежней ритуализации пола и изменение его институционального статуса через:

– внедрение «обязательной» характеристики сексуальности индивида и связанной с ней идеи множественности гендера;

– усиленную гендеризацию детства;

– дискурсивное включение детства в поле сексуальности;

– глубокая ревизия идеи мужественности, направленная на элиминирование «мужественности господствующей» (hegemonic masculinity), объявление ее агрессивной и «токсичной»;

5) усиление религиозной и иных патриархатно-фундаменталистских интерпретаций пола;

лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции» [цит. по: Кубрякова 1995: 168].

В это же время социальная философия снова регистрирует смену эпистемы и развитие постнеклассических познавательных установок [Степин 2009], в большей степени учитывающих ускорившуюся динамику развития социальных процессов. Ускорились и изменения в концептуализации гендера. На рубеже веков активизируются ЛГБТ –движения и связанная с ними квир-теория; в планетарном масштабе распространяется глобалистский (американизированный) взгляд на гендер, растет теоретический радикализм, критикуются эссенциалистские (сущностные) модели гендера, радикализуется конструктивизм (см, например, труды Дж. Батлер, которая даже биологический пол относит к перформативным сущностям [Butler 1988; 1990; 1993; 1995]). Гендерные отношения политизируются; формы сексуального поведения, которые ранее считались патологией и девиацией, легитимируются, декриминализируются и получают статус варианта нормы, включаются в общественный дискурс как составляющая *социально поощряемого разнообразия (diversity)*.

Тем самым продвигается *идея исключительно социальной основы пола*².

С конца XX века усиливается интерес к трансгендерным явлениям и легитимизации ЛГБТ; появляется так называемая *квир-теория*, изучающая ненормативную сексуальность в условиях ее подавления и выступающая за ее окончательную легитимацию, которая, по сути, уже произошла. Некоторые исследователи рассматривают либерализацию гендерных норм как третий этап западной демократизации (после признания равноправия чернокожих граждан (первый этап) и женщин (второй этап)).

Отдельно отметим репрезентацию детства в аспекте гендера: сегодня происходит дискурсивная сексуализация ребенка; усиливается гендерная ориентированность товаров для детей (подробнее см. [Кирилина 2013; 2015а; 2015б; Купцова 2016; 2018; Kirilina, Kuptsova 2019]); институционализируется информирование детей и подростков о возможностях различных сексуальных ориентаций. В ряде стран легитимируется усыновление детей однополыми парами; в детской и юношеской литературе акцентируются нетипичные формы семьи [Чех 2013]; популяризируется и даже насаждается трансгендерность не только среди взрослых, но и среди детей³ (см. также [Гриценко 2019]).

² Разумеется, подобный радикализм подвергается критике (см., например [Камерон 2005: 626]): «возросшее культурное значение таких феноменов, как транссексуализм, трансвестизм, и то, что теоретики гомосексуализма называют «genderfuck» (якобы разрушительная игра с гендерными различиями), может рассматриваться как новая теоретическая задача для феминистской мысли, поскольку эти феномены могут указывать на изменения, происходящие в формах (особенно городских и западных) гендерных отношений. Что же будет подразумеваться, если на вопрос Симоны де Бовуар «А есть ли женщины?» прозвучит ответ: «Да, но некоторые из них – (биологические) мужчины?»». Однако работа Д. Камерон впервые была опубликована в 1997 г. В настоящее же время, как отмечалось выше, биологический пол радикально релятивизируется, и мужские / женские биологические проявления объявляются свойствами также и противоположного пола (явление трансгендерности создает основу для подобных утверждений). Трансгендерность при этом весьма поощряема социально: в докладе Е.С. Гриценко на IV международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» (г. Москва, 25–26.11.2019) подробно излагается, как в США насаждаются новые гендерные нормы даже для детей, поощряется ранняя трансгендерность и наказываются взрослые родственники за создание ребенку препятствий в смене пола (см. [Гриценко 2019]).

³ В США открываются специальные магазины для детей-трансгендеров [В США открылся магазин для юных трансгендеров <http://>]; объявлено о выпуске кукол, пол которых ребенок может конструировать и менять самостоятельно: производитель Барби Mattel выпустил новую линейку гендерно нейтральных кукол *Creatable World* («Созидаемый мир»). Игрушки призваны бороться со стереотипами. В комплект вошли шесть

Названные явления политизируются и распространяются в глобальном масштабе. Отметим и – пусть весьма слабую еще – тенденцию к оправданию педофилии под видом борьбы с ней⁴, а также изменение медицинских норм, приближающих легитимацию педофилии [Тачмамедова 2019 [http](#)]. Все это значительно трансформировало научные представления о гендере, и без того тяготевшие к идеям деконструкции⁵.

В начале XXI в. в западной науке окончательно отбрасывается как мейнстрим *дуальная, бинарная модель гендера* и признается легитимным все большее число видов гендера. В настоящее время их насчитывают около 60, но определить точное / окончательное число не представляется возможным в виду непрерывного роста числа гендерных конструкторов.

Множественность гендера дополняется признанием его динамичности и текучести: допускается, что в течение жизни человек может неоднократно сменить гендер или вообще считать себя свободным от него (как *азеркины*⁶), что ознаменует переход к постгендеризму – прекращению социального конструирования гендера как связанного с полом маркера и трансформации его в маркер индивидуальной стилизации лица, с полом не связанный⁷.

Таким образом, глобалистский этап развития гендерных исследований ознаменован полным переосмыслением понятия *гендер*. Из дихотомического / дуального / бинарного социкультурного концепта, отражавшего наличие в мире двух видов людей, он превратился в чрезвычайно политизированный маркер сексуальной ориентации (*агендер, бигендер, трансгендер* и т.д.), а также в маркер самоидентификации как таковой.

Названные тенденции, однако, не утвердились полностью в планетарном масштабе и сосуществуют – часто в противоборстве – с более традиционными взглядами. Современное социальное созидание (конструирование) гендера характеризуется,

кукол разных рас, фигуры и роста. К ним можно подобрать различную одежду, парики и обувь. Это позволит изменить пол и образ кукол. «Особенность новой модели в том, что ее образ не продиктован гендерными нормами», – уточнила компания [Olohan 2019 [http](#)].

⁴ Яркий пример – публичная (освещаемая в блоге) имитация подготовки вступления в брак со взрослым мужчиной двенадцатилетней норвежки по имени Tea [Bloggen er fjernet: [http](#)]. Хотя заявленная цель акции – предотвращение ранних браков, в свете видеохроники подготовки ребенка к браку она представляется весьма сомнительной.

⁵ «...В западной научной традиции доминирующим методом стала дерридеанская деконструкция гендера, понимаемая как анализ традиционных бинарных оппозиций, в которых левосторонний термин претендует на привилегированное положение, отрицая притязание на такое же положение со стороны правостороннего термина, от которого он зависит. Цель анализа [Easthope 1988: 187–188] здесь «состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а скорее в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние, релятивизировав их отношения» [цит. по: Кирилина 2000: 31].

⁶ *Азеркины* (от англ. *other* – другой, иной) – индивиды, считающие себя не людьми, а животными, сказочными созданиями, инопланетянами и т. д. Подобные существа не имеют пола. Причисление же их гендеру окончательно выводит последний за рамки полового диморфизма и делает гендер маркером идентичности.

⁷ *Постгендеризм* интерпретируется как «общественное, политическое и культурное движение, приверженцы которого выступают за добровольное устранение гендера у человеческого вида посредством применения передовых биотехнологий и вспомогательных репродуктивных технологий» [Википедия [http](#)], которые позволяют устранить различия в репродуктивных функциях мужчин и женщин, позволив и тем, и другим практиковать отцовство и материнство, а также вынести вынашивание и деторождение за пределы человеческого организма, что приведет к исчезновению пола и гендера в обществе. Существование пола и гендера и связанных с ними различий в социальных когнитивных и физических различиях сторонники постгендеризма считают негативным явлением.

таким образом, множественностью тенденций и совершается при помощи вербального и невербального кодов.

Область гендерных исследований представляет собой поле бурных дискуссий, а также отражает целый ряд моментов, описываемых термином *постгендеризм* связанных с формированием новой – плюралистической и изменчивой, динамичной – модели человека с тенденцией трансгуманизму⁸. Для глобального дрейфа к постгендеризму характерен демонтаж прежних норм институционализации и ритуализации гендера, в том числе устранение визуальных различий в гендерных репрезентациях, реформирование официального языка, документов о статусе лица [Кирилина 2015а; 2015б] и т.д.

Изменения происходят по линии институционализации и ритуализации пола; меняется институциональный дискурс: даже по сравнению с реформированием официальных языков в странах Европы и Америки в 1980–1990-х гг. ужесточаются нормы политкорректности, происходит новое реформирование языка: – в официальном дискурсе слова «отец» и «мать» заменяются на «родитель один» и «родитель два»; из документов о статусе лица убирают обозначение пола или вводят недудальное (подробнее см. [Кирилина 2015а]); или институционально внедряют третий пол, как это произошло в марте 2019 г. в Германии. Признание третьего пола сопровождалось международным обсуждением возможностей местоименного фонда языка (не только немецкого) в плане создания дополнительных средств выражения (см. дискуссию в журнале *Sprachdienst* № 1/2020). Аналогичная картина наблюдается в США (см. [Гриценко 2019]). В связи с растущим числом видов гендера (сегодня в разных источниках их число варьирует от пятидесяти восьми до трехсот) актуализируется проблема гендерной специфики политической корректности (в гротескном виде это представлено в выступлении депутата бундестага Штеффена Кенигера [Steffen Königer German AfD Politician about Gendermania (English Subtitles): [http⁹](http://www.afd.de/steffen-koeniger-german-afd-politician-about-gendermania)], в котором все отведенное политику для выступления время оказалось затраченным на приветственное обращение с упоминанием всех видов гендера). И это лишь небольшая часть нового реформирования языка, а также создания и внедрения новых дискурсов.

Меняются гендерно значимые нормы социальных институтов: расширяется понятие нормы. Например, заключение брака во многих странах легитимировано сегодня не только для однополых пар, но и для (однополых) множеств партнеров, например, в Колумбии 12 июня 2017 г. впервые зарегистрирован брак между тремя мужчинами [Первый брак между тремя мужчинами заключили в Колумбии: [http](http://www.foxnews.com/world/2017/06/12/three-men-wedding-colombia/)]. Признание недудального родительства также имеет место: как при суррогатном

⁸ «Трансгуманизм (от лат. *trans* – сквозь, через, за и *homo* – человек) – философская концепция, а также международное движение, поддерживающее использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью устранения тех аспектов человеческого существования, которые трансгуманисты считают нежелательными – страданий, болезней, старения и смерти» [Википедия [http](http://ru.wikipedia.org/wiki/Трансгуманизм)]. В РФ также действует общественная организация *Российское Трансгуманистическое Движение* (РТД), определяющее трансгуманизм как рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека. Трансгуманизм также способствует ревизии гендерных идеологий и утверждению динамической модели человека.

⁹ Благодарим Е.С. Гриценко за указание на источник.

материнстве и биологическом донорстве, так и при родительстве однополых супругов, прибегающих к помощи третьего лица, относящегося к иному, нежели они, полу; заключение браков между двумя сменившими пол лицами и смена пола целыми семьями. Наконец, в начале 2020 года в Канаде из уст президента Федерации женщин Квебека (FFQ¹⁰) Габриель Бушар (трансгендерной женщины) прозвучал призыв запретить сексуальные отношения между мужчинами и женщинами «из-за их жестокости» [Блог rjadovoj_rus: [http](http://)]. В художественной форме запрет на гетеросексуальные отношения предсказан в книге В. Пелевина «iPhuck 10»: люди, их практикующие, получили негативно коннотированное название «свинюки»; в обществе же преобладает киберсекс.

Некоторые признаки довольно быстрого дрейфа в этом направлении можно наблюдать уже сегодня в виртуальной среде, в рекламе секс-кукол роботов и даже в реальной действительности [Смирнова 2019: [http](http://)]; первое же заведение такого рода открылось в Испании в 2017 г. [В Барселоне открылся первый европейский бордель с силиконовыми куклами: [http](http://)]; 1 мая 2018 г. в Москве открылся «Dolls Haus» – бордель с куклами [Матвеева 2018: [http](http://)]; в материале сообщается, что, согласно прогнозам, к 2033 г. 10 % сексуальных контактов будет происходить между людьми и андроидами – и эти контакты предсказаны В. Пелевиным в произведении «S.N.U.F.F.». Мы столь подробно осветили вопрос, поскольку доскональная социальная регистрация сексуальности, практикуемая в последние годы в мире, не останется без последствий, и все ее составляющие должны рассматриваться в комплексе как звенья одной цепи. Например, данные о сексе с не-людьми вполне согласуются с акциями последнего десятилетия, направленными на представление женщин жертвами мужского насилия: всемирная акция «*Metoo*»; введение в общественный дискурс негативно коннотированного понятия «токсичная мужественность» для стереотипных проявлений мужественности, а также широко насаждаемые по всему миру институциональные меры по изменению мужественности и ритуалов ее отображения. Глобалистские концепции гендера, как уже отмечалось, характеризуются прежде всего акцентуацией сексуальности и сексуальной ориентации с выходом за рамки бинарной оппозиции мужское / женское с легитимизацией и даже усиленной акцентуацией недюальных норм (гомо)сексуальности / субкультуры *квир*.

Столь широкая активность в поддержке и транснациональном распространении глобалистских, множественных моделей гендера, скорость и массовость этого процесса – явный признак социального заказа господствующих властных групп:

- стремительное признание однополых браков по всему миру: в 1979 г. в Нидерландах впервые в мире однополые пары смогли получить некоторые права, следующие два десятилетия ознаменовалось (частичным, но широким – в 20 странах) признанием прав однополых союзов. С 1999 же года прошла волна легализаций гомосексуальности на разных уровнях: в 2001 г. в тех же Нидерландах вступил в силу первый в мире закон об однополых браках, после чего процесс пошел лавинообразно [Хронология легализации однополых союзов: материал из Википедии: [http](http://)];

- декриминализация гомосексуальности в большом количестве стран, особенно с начала 80-х гг. XX в.;

¹⁰ FFQ – многочисленная и влиятельная женская организация франко-канадской общины, да и всей Канады.

– депатологизация / депсихиатризация гомосексуальности (началась в США, в 1992 г. Всемирная организация здравоохранения перестала считать ее болезнью, а затем и отдельные страны: Великобритания (1994), Япония (1995), Россия (1999), Китай (2001) и др.). Некоторые источники приписывают эти процессы давлению усилившихся гей-лобби [Гомосексуальность и психическая норма: материал из Википедии: <http://>];

– широкое моделирование гомосексуальности (и в целом “нетрадиционных” отношений) в произведениях литературы и искусства;

– изменение модели института семьи – усыновление детей гомосексуальными парами и т. д.;

– поощрение гомосексуальной тематики в литературе и искусстве (выдвижение на премию Оскара большого числа фильмов о гомосексуалистах; значительное количество наградений¹¹), повсеместное и очень быстрое распространение дискурса гомосексуальности, ее институционализация, включение гомосексуальности в школьные курсы сексуального просвещения и т. д.

В конце второго десятилетия XXI века вследствие этих процессов происходит новый качественный скачок, в результате которого в западных странах утверждается небинарная модель гендера (на сегодняшний день – более 60 видов), институционализируется третий пол. Криминализируется отрицательное отношение к гомосексуальности; некоторые обозначения подвергаются исключению или меняют коннотацию (например, вместо *гомосексуалист* требуются говорить *гомосексуал*).

Не менее значимы быстрые и также широко распространяемые изменения в формах ритуализации гендера, особенно в отношении мужественности: известные медийные личности появляются в женских платьях (например, см. в коллекции Гуччи весной 2020 г. [Стешин 2020: [http](http://)¹²]).

¹¹ Фильмы «Мой личный штат Айдахо» (США, 1991) – Кубок Вольпи Венецианского фестиваля; «Филадельфия» (США, 1993) – «Серебряный медведь» Берлинского кинофестиваля, «Золотой глобус» и «Оскар»; «Покажи мне любовь» (Швеция, 1998) – отмечен на нескольких европейских кинофестивалях, в том числе в Берлине и Карловых Варах, удостоен приза ФИПРЕССИ и премии молодежного жюри на киевском МКФ «Молодость»; «Монстр» (США, 2003) – «Серебряный медведь», «Золотой глобус» и «Оскар»; «Загадочная кожа» (США, 2004) – прокатный рейтинг NC-17, присваиваемый порнофильмам; «Парни не плачут» (США, 1999) – «Золотой глобус» и «Оскар»; «Горбатая гора» (США, 2005) – удостоен «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля, четырех премий BAFTA, включая номинацию «лучший фильм», четырех «Золотых глобусов», включая ту же номинацию, и трех «Оскаров», включая категории «лучший сценарий» и «лучший режиссер»; «Я люблю тебя, Филипп Моррис» (Франция, 2008); «Харви Милк» (США, 2008) – удостоен «Оскара»; «Одиноким мужчина» (США, 2009) – приз за лучшую мужскую роль, Венецианский кинофестиваль, 3 номинации премии «Золотой глобус»; «За канделябрами» (США, 2013) – 11 премий «Эмми»; «Жизнь Адель» (Франция, 2013) – удостоен «Золотой пальмовой ветви», номинирован на «Золотой глобус»; «Том на ферме» (Канада, 2013); «Кэрл» (2016). И это далеко не все фильмы.

О роли искусства и культуры в распространении социального заказа пишет Б. Коннелл. Согласно Б. Коннеллу, исследуя лингвистический материал на предмет обнаружения культурной специфики доминирующей маскулинности (или фемининности), наука может в качестве результата получить, скорее, реконструкцию гендера на основании данных языка. Это замечание относится также и к кросскультурным исследованиям, так как «традиционный компаративистский метод базируется на допущении целостных “сепаратных” культур, в то время как такое допущение сегодня не является более состоятельным. Европейский империализм, глобальный капитализм при гегемонии США, а также современные средства коммуникации привели все культуры в тесное взаимодействие, расширили сферу действия некоторых культур и маргинализировали большинство» [Connell 1993: 601 – перевод наш. – А. К.]. Проблемы этноцентризма и глобальной истории, разумеется, актуальны не только для гендерных исследований, но и для них также.

¹² Дефиле названо «Мужское множественное число» и, как пояснили представители модного дома, посвящено

Отмечается, однако, и принудительное насаждение антимужественности: «Нельзя с безразличием смотреть на проходящий на наших глазах антропологический сдвиг: речь идет о новом месте мужчин в мире, где разделение полов перестало быть очевидным, – считает Марсель Гоше (Marcel Gauchet), который посвятил этой острой теме 200-й номер журнала «Деба». Всеобщее внимание сейчас, естественно, сосредоточено на усилении женщин на всех уровнях или на до сих пор сохраняющемся неравенстве в их отношении. Но разве эта «женская революция» могла не отразиться на противоположном поле? Здесь наблюдаются большие перемены. Мужественность перестала быть чем-то очевидным и перешла в категорию систематических сомнений» [Бастье 2018: <http>]. Другие исследователи и общественные деятели говорят о криминализации мужественности и выступают против этого процесса (см., например, интернет-выступления Джордана Питерсона).

Все названные факты и процессы ведут к глубокому переосмыслению проблемы гендера, смысла и развития не только гендерных исследований, но и антропологической модели в целом.

Помимо концептуальных инноваций в понимании гендера и его отражения в языке, развиваются методология и методы исследования гендерно значимой коммуникации: мы наблюдаем переход от универсализма (60–70-е гг. XX в.) к партикуляризации и контекстуализации гендера, результатом чего стала разработка методологии **интерсекциональности – множественности пересечений** (*расы / этничности, гендера, класса*, то есть ключевых характеристик социального разделения).

Выделяют *аддитивное* и *трансверсальное* толкование интерсекциональности [Walby 2012; Здравомыслова, Темкина 2015].

При аддитивной интерсекциональности анализ по признаку пола дополняется анализом по классовому, этническому и другим возможным признакам. Каждый из механизмов социального разделения исследуется автономно. Действие механизмов рассматривается как кумулятивное.

Трансверсальный («пересекающий границы») интерсекциональный анализ, напротив, сосредоточен на синкретическом сочетании нескольких механизмов, производящих различия и неравенства, которые изменяются, конституируют друг друга и трудно различаемы в своей взаимосвязи [Walby 2012]: «сплавленные» социальные разделения рассматриваются как контекстуально сформированное единое целое и не редуцируются до какой-то одной характеристики (класс, раса, гендер). Сочетание механизмов, действующих различным образом, создает синергетический эффект (например, возраст меняет определение женственности, одновременно женственность влияет на позиционирование в категориях возраста; практики профессионального успеха меняют конструирование и возраста, и женственности).

«токсичным стереотипам, формирующим мужскую гендерную идентичность». Перед показом моделей был создан и представлен широкой публике «Манифест против токсичной маскулинности». Все это говорит о политической, агитационной составляющей замысла и действия. Добавим, что создание подобного рода демаскулинизирующей коллекции далеко не первое. Ее особенность в радикализме: если в предыдущих случаях просто снижалась функциональность одежды и повышалась ее разноцветность (по И. Гоффману, ритуализация мужской одежды состоит в большей функциональности и меньшей пестроты, а также ношении, как правило, одного предмета женской одежды – юбки (в комплекте, например, со смокингом, как это сделал на вручении Оскара актер Билли Портер)). В дефиле Гуччи манекенщики одеты уже не частично, а полностью в женскую одежду.

В результате описывается некоторая «интерсекциональная локальность», например, профессионально преуспевающая женщина средних лет, или пожилая больная женщина, или молодой мужчина-офицер в условиях боевых действий и т.д.). На первый план выходит множественность пола.

Глобализация, таким образом, обусловила две мощные тенденции – распространение глобальных (то есть американизированных) идеологий, теорий и практик, а также определенное сопротивление этим идеям и практикам на уровне отдельных стран и регионов, затронутых глобализацией. Диапазон этого сопротивления широк: от локализации глобального, до полного неприятия глобалистского давления.

Далеко не во всех странах и научных сообществах безоговорочно принимается глобалистская концепция гендера, хотя и в плане научном, и в плане политическом она нередко рассматривается (да и насаждается) как единственно верная, а взгляды ее противников оспариваются или рассматриваются как ненаучные.

Вместе с тем широкое распространение гендерного глобализма и влияние его представителей, а также нередко имеющих статус признанных авторитетов ставит ученых, представляющих иные точки зрения, в невыигрышное положение. Однако это тема для отдельного обсуждения.

Очертив в самом общем виде прагматический контекст мировых гендерных исследований, перейдем к состоянию гендерной лингвистики в нашей стране. И в этом случае также необходимо отразить как прагматический контекст ее развития, так и результаты, достигнутые с момента ее формирования в России, а также вклад отечественных ученых в общую теорию гендера.

В России возникновение гендерных исследований как отдельного направления относится к середине 1990-х гг., когда в научное описание был введен термин *гендер*. Отечественное языкознание, однако, и ранее рассматривало проблему половой дихотомии в языке в рамках других лингвистических дисциплин. Отличительная черта ранних советских исследований – марксистские пресуппозиции, то есть изначальное признание социальной обусловленности многих явлений, в том числе и отражающих взаимосвязь пола и языка; признание человека биосоциальным существом. Решение женского вопроса также рассматривалось с марксистских позиций: равноправие достигается путем вовлечения женщин в производительный труд и обретения ими экономической независимости при признании политического равноправия (о дискурсивных практиках вовлечения женщин в трудовую деятельность в СССР см. в [Кирилина 2002]).

Полемики, типичной для западной феминистской лингвистики, в нашей стране не возникло; до недавнего времени не получил распространения и феминистский дискурс, что также может объясняться преобладанием марксистской теории в гуманитарных науках и социальной реальностью в СССР. Советский период характеризуется также ярко выраженной практической направленностью: большое количество трудов связано с потребностями автороведческой криминалистической экспертизы – с диагностикой и стремлением установить идентификационные признаки мужской и женской речи. Наконец, отметим и отличную от западной политическую ситуацию – равноправие с 1918 г., отсутствие в истории России гонений на ведьм, доступ к образованию и профессии, более широкий, чем был в начале и середине XX века в европейских странах.

Советский период характеризуется отсутствием понятия *гендер*, но никак не отсутствием интереса к фактору пола в языке. Особенно большое число трудов отмечается в сфере описания агентивных имен существительных женского рода, их исторического развития (подробный обзор см. в [Кирилина 1999]). При отсутствии феминистского дискурса в СССР существовало *per se* многое из того, что было объектом дискуссий на западе: «В России на протяжении длительного периода времени фактор пола рассматривался в лингвистическом описании наряду с иными прагматическими категориями описания. Теория власти Фуко и ярко выраженные феминистский дискурс и проблематика в российской лингвистике отсутствовали по причинам как политического, так и социального характера. Отсутствие полемического накала можно отнести к экстралингвистическим факторам, повлиявшим на ход гендерных исследований в лингвистике СССР, а затем и в России: они не сложились в отдельное научное лингвистическое, а затем междисциплинарное направление. Этот процесс начался позднее под несомненным идеологическим влиянием запада» [Кирилина 2000: 88].

Формирование гендерной лингвистики как научного направления началось в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ). Во многом благодаря усилиям ректора МГЛУ И.И. Халеевой в конце 90-х гг. XX в. состоялись институционализация гендерной лингвистики и формирование научного сообщества. С 1999 по 2007 г. продуктивно работала лаборатория гендерных исследований в МГЛУ: проведен ряд крупных международных конференций (1999, 2001, 2003) и семинаров, организован годовой семинар для лингвистов, в течение ряда лет читался спецкурс «Гендерная лингвистика» для слушателей факультета повышения квалификации МГЛУ, что позволило ознакомить с гендерной проблематикой широкий круг лингвистов страны, открыть консультирование; собрать библиографию защищенных по гендерной проблематике диссертаций; подготовить выпуск альманаха «Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации» (2002); опубликовать научные сборники [Халеева 1999; Гендер как интрига познания 2002], монографии и учебные пособия [Кирилина 1999; 2004], антологию [Гендер и язык 2005], материалы трех международных конференций (2002, 2003, 2006), начать освоение гендерной проблематики в отдельных областях филологического знания – от перевода [Гончаренко 1999] до социолингвистики [Городникова 1999; 2002] и лингвокультурологии [Томская 2006 и др.], а также разработать и внедрить тематику квалификационных работ, провести и защитить диссертационные исследования [Зыкова 2004; Коновалова 2005; Васькова 2006; Захарова 2006; Маслова 2007 и др.].

Гендерная лингвистика была включена в исследовательские программы Минобрнауки, что дало возможность реализовать ряд научных проектов; защищено значительное количество кандидатских и докторских диссертаций.

За годы активной деятельности лаборатории:

- 1) обобщены философско-методологические основы изучения гендера в языкознании;
- 2) разработана методология лингвокультурологических исследований гендера;
- 3) экспериментально выявлены и описаны гендерные компоненты этнических представлений;
- 4) выполнено значительное число научных проектов;

5) исследованы гендерные аспекты профессиональной устной научной коммуникации, Интернет-коммуникации, лексикографии и др.

Таким образом, при консолидирующей роли МГЛУ произошла институционализация гендерной проблематики и ее диверсификация в различных университетах страны – в Нижегородском государственном лингвистическом университете, где Е.С. Гриценко [Гриценко 2003; 2005; 2019 и др.; Boxer, Gritsenko 2005; Гриценко, Лалетина, Сергеева 2008; Гриценко, Лалетина и др. 2011; Бодрова 2010 и др.] разрабатывает проблематику гендера в англоамериканской лингвокультуре; в Пермском государственном национальном исследовательском университете гендерная лингвистика развивается в рамках Пермской социо- психолингвистической школы профессора Т.И. Ерофеевой и ее учеников [Автухович 2012; Гаранович 2010; 2011; 2019а; 2019б; 2020; Доценко 2000; Дьяконова 2002; Загоруйко 1999; Зубарева 2007; Ерофеева Е. В. 2005; 2010; Ерофеева Т. И. 2004; 2008; 2009; 2010; 2015; 2016а; 2016б; Ерофеева Т. И., Ерофеева Е. В. 2010; Усманова 2006; Черноусова 2008], в Воронежском государственном университете под руководством И.А. Стернина [Адонина 2007; Гётте 2004; Стернин 2011; 2019 и др.] реализуется психолингвистическое изучение гендера. Кроме того, отметим и отдельные труды видных отечественных лингвистов, не всегда причисляющих себя к гендерологам, – И.Т. Вепревой [Вепрева 2012; Вепрева, Пазео-Влазловская 2018; 2019], Д.О. Добровольского [Добровольский, Кирилина 2000]. В.А. Ефремова [Ефремов 2009], глава Л.Л. Федоровой в настоящей монографии и др.

Именно в сфере гендерной лингвистики началось освоение конструктивистской методологии [Гриценко 2005]; впервые изучена гендерная специфика устной научной коммуникации в формате дискуссии [Маслова 2007] и роль гендера в научной концептуализации [Томская, 2009а,б]; рассмотрены концепты мужественности и женственности, изучен образ русской женственности во фразеологии [Телия 1996]; экспериментально доказана социолингвистическая вариативность гендерных стереотипов в языковом сознании русских в зависимости от социальных параметров говорящих (гендер, возраст, специальность, уровень образования) [Гаранович 2011]; проведен гендерный анализ лексикографических трудов [Кирилина 1999; 2000; Васькова 2005; Сергеева 2007; Ефремов 2009; 2010 и др.], текстов учебников для начальной школы [Черных 2012] и др.

Ранее мы подробно рассматривали развитие доглобализационного этапа развития гендерной лингвистики в СССР и России [Кирилина 1998; 1999; 2000; 2003; 2009], установив целый ряд ее особенностей:

- невысокий интерес к феминистской идеологии и реформированию языка;
- интерес к лингвокультурологической составляющей и обоснование неодинаковой степени андроцентризма языков и культур; сопоставительные лингвокультурологические исследования; анализ лексикографических описаний мужественности и женственности;
- «инвентаризация» языков народов России в плане возможностей выражения гендерных аспектов бытия;
- быстрое развитие социо- и психолингвистических исследований и формирование научных школ; формирование русской терминологии предметной области (при этом первоначальный термин *лингвистическая гендерология* не закрепился, уступив место термину *гендерная лингвистика*);

– малое число исследований коммуникации в сравнении с гендерным анализом явлений языка;

– начало разработки методологических принципов анализа гендерных аспектов языка и коммуникации.

Стремительное развитие цифровых технологий также внесло свой вклад: стало возможно практически мгновенно распространять по всему миру различные идеи, общественные инициативы и практики. Это привело к ускорению социального конструирования моделей, отвечающих интересам господствующих политических сил. Социальное конструирование гендера с глобалистских позиций также ускорилось и приобрело черты концепции, распространяемой в планетарном масштабе – прежде всего, под влиянием американизации. Распространение одной идеи как доминирующей свойственно не только гендерной теории, но и многим другим концепциям: Д. Камерон отмечает повсеместное насаждение американизированных концепций преподавания языков [Cameron 2002], Б. Ридингс указывает на американизацию университетов мира [Ридингс 2010]. То же мы наблюдаем в российской повседневности и далее в научном дискурсе: «Отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т.д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» [Юревич 2005: [http](#)]; «наши социогуманитарии как “интеллектуальные посредники” <...> свое традиционное предназначение в качестве *производителей* нового знания ... начинают утрачивать» [Там же]. В значительной мере это проявилось и в интерпретации гендера, способствуя некритичному переносу ряда дискуссионных идей на отечественную почву.

Параллельно ширилось нигилистическое отношение к советскому периоду истории и негативизм по отношению к происходившим в нем процессам, в том числе и к явно прогрессивным. Все это происходило на фоне прекращения собственной эвристики в пользу заимствования западных теоретических интерпретаций советского общества [Юревич 2005; 2015].

Зависимость научного, академического дискурса – дискурса «производства истины» – от культуры, эпохи, социального заказа доказана в философии и социологии науки (см. подробнее [Кун 2004; Фуко 2004; Юревич 2005; 2015; Berger, Luckmann 1967; Einführung in den Konstruktivismus 1992; Galtung 1981; Merton 1973 и др.]), и это факт должен обязательно быть учтен при осмыслении научных идей и выводов, касающихся сегодняшних перемен в языке и обществе, так как исходные пресуппозиции и убеждения интерпретаторов накладывают отпечаток на описание и представление объекта исследования. Можно отметить появление заимствованных из иностранных источников времен холодной войны интерпретаций гендерных отношений в СССР и России, в которых отсутствует дружественная пресуппозиция и явно присутствует социальный заказ грантодателей¹³.

Глобалистские тренды в интерпретации гендера встречают и открытое противодействие, поскольку вступают в противоречие с представлениями многих народов России о гендерных нормах.

¹³ Разумеется, это никоим образом не означает, что мы объявляем ангажированными всех зарубежных или скептически настроенных отечественных русистов. Напротив, мы признаем их значительный вклад в русистику и гендерную лингвистику, считая, однако, некоторые их утверждения весьма дискуссионными и отражающими определенные политические обстоятельства.

В конце 1990-х гг., гендерные исследования развивались в РФ в значительной мере в ключе освоения западных концепций 1970-1980-х гг. и не вызывали отторжения. Кроме того, в этот период еще в значительной мере сохранялись остатки советских гендерных норм, не предполагавших объективацию женщин в той мере и с теми дискурсивными практиками, в какой и с какими это происходит сегодня. В 1990-е годы, рассказывая студентам о феминистской лингвистике Германии, мы каждый раз замечали скептицизм студентов обоих полов по отношению к этой теме. Сегодня же такого скептицизма нет, напротив, появились феминистские сайты и попытки феминизации языка – и это следствие как заимствованных дискурсов, так и изменения социальной ситуации и ухудшения положения женщин; их дискурсивная дискредитация и объективация наблюдалась в СМИ уже в 1990-е гг.

Происходит дифференциация адресованности по полу адресанта в ранее нейтральных сферах. Так, например, школьные принадлежности по содержанию и визуальному оформлению явно подразделяются теперь на гендерные группы (*Прописи для девочек*). В научно-популярном дискурсе обнаруживаются даже мизогинические тенденции (ср.: название книги «Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека» [Никонов 2005]).

Еще одна особенность современного развития отечественных гендерных исследований – это «накал страстей». Вследствие политизированности и радикализма глобалистских концепций, продвигаемых весьма настойчиво, предметная область «гендер» становится объектом не только несогласия, но и квазинаучного негативизма, отторгающего и дискредитирующего гендерные исследования как таковые, а не только их глобалистские интерпретации. Все это чрезвычайно вредит развитию нашей научной области и мешает исследованию тех процессов, которые объективно происходят и нуждаются в наблюдении и анализе. Так, выступая 29 ноября 2017 г. на заседании Общественной палаты, клинический психолог и эксперт Роскомнадзора Ж. Тачмамедова заявила о псевдонаучности гендерных исследований, назвала имена видных исследователей гендерной проблематики и обвинила их в распространении ЛГБТ-идеологии и работе на западные гранты [Психолог: гендерная идеология – лишь наукообразная оболочка идеологии ЛГБТ: <http://>]. При всей неоднозначности некоторых трудов по гендерологии высказывания Ж. Тачмамедовой, а также их этическую составляющую, никак нельзя назвать приемлемыми. Напротив, дискредитация добросовестных исследователей наносит непоправимый ущерб отечественному гуманитарному знанию и мешает созданию культурно специфических гендерных теорий, а также обновленной аргументации для полемики с западными коллегами. Дискуссии же необходимы, поскольку мы снова нередко сталкиваемся сегодня с антироссийскими настроениями в гуманитарных научных интерпретациях.

Наряду с глобалистскими тенденциями отметим и отечественные процессы, меняющие гендерные аспекты жизни общества.

¹⁴ Это, в частности, возвращение к досоветским радикально патриархатным образцам и нормам, например, лишение женщин водительских прав в современной Туркмении [В Туркмении начали массово лишать женщин водительских прав: <http://>]; недавний запрет для женщин посещать бассейн «Анжи арена» в Дагестане [Запрет посещения бассейна для женщин в российском регионе объяснили: <http://>]; “дело” несовершеннолетней чеченской школьницы Хеды (Луизы) Гойлабиевой, против ее воли выданной замуж в мае 2015 г. [Борисов: <http://>] и др. Возрождение или оживление средневековых традиций, ярко выраженного неравноправия способствует и возрождению соответствующих дискурсивных практик: достаточно указать

Прежде всего – это возрождение патриархатного фундаментализма в России и бывших советских республиках¹⁴, что связано и с деиндустриализацией, и с возрождением религиозности и поощрением религиозных гендерных догм, и миграцией из исламских регионов, где гендерные отношения весьма отличаются от либеральных. Это и ухудшение положения женщин на рынке труда и в обществе в целом. Постсоветские семиотические репрезентации гендера подтверждают отмечаемое также социологами [Свадьбина, Немова, Пакина 2014; Кирилина 2015a] снижение статуса женщины в современном обществе.

Согласно данным Агентства по делам национальностей, в Российской Федерации насчитываются 193 национальности, многие из которых имеют специфические гендерные традиции и болезненно реагируют на их нарушение.

Названные факты позволяют охарактеризовать современную гендерную модель в России как плюралистическую. Во всем многообразии репрезентаций четко выделяются глобальная тенденция к устранению гендерных различий и патриархатный фундаментализм. Мы наблюдаем:

- противоборство глобалистских и фундаменталистских тенденций;
- «уход в тень» советской модели гендера в общественном дискурсе и пространстве при (частичном) сохранении ее в частной зоне (Интернет- общения); обособленное и положительно коннотированное понятие *советская женщина*; апелляции к советским гендерным моделям при обсуждении современных проблем («...а наши девушки знали, что такое легированная сталь!»);
- оживление и «параллельное» существование этнизированных и/или конфессиональных моделей гендера;
- дробление общества на виртуальные кластеры в Интернете, в которых представлены все виды гендера и сексуальных практик;
- использование гендера как политического ресурса;
- гендеризация детства.

Названные тенденции – симптом изменения общей модели человека. Факт же их противоположной направленности говорит, на наш взгляд, о борьбе глобалистов и традиционалистов-фундаменталистов за право определять содержание понятия *человек* в современном общественном дискурсе. Те и другие тенденции насаждаются весьма интенсивно и нередко грубо игнорируют ценности, настроения и ожидания людей, что ведет к социальным и личным протестам разного рода и также должно стать объектом научной рефлексии.

В *научно-организационном плане* в российской гендерной лингвистике также происходят заметные изменения. После бурного всплеска в конце 1990-гг. и

на высказывания православного священника о. Д. Смирнова, который в 2020 году (!) назвал женщин, состоящих в гражданском браке, «бесплатными проститутками»: «Неохота сказать, что «я бесплатная проститутка», поэтому говорят: у меня гражданский брак» (цит. по: [Солдатов, Тороп 2020: <http://>]). Этот же церковный иерарх весьма негативно высказался о школьном образовании девочек. В ответ на вопрос, кто может помочь воспитывать детей родителям, если нет бабушек и дедушек, священнослужитель сказал, что помощников нужно родить самим. В пример О.Д. Смирнов привел одну из прихожанок, которая вместо того, чтобы отдать одну из младших дочерей в школу, оставила ее ухаживать за младенцем: «Чего там в этой школе делать? Учиться зависти, обзыванию, скверным словам, хамству учителям? Чему? А так она будет уже готовая мама. Все будет уметь», – цитирует «Радонеж» его слова [Протоиерей Смирнов призвал оставить девочек без школьного образования: <http://>].

интенсивного этапа развития в первом десятилетии XXI века наступил некоторый спад в интенсивности межвузовских контактов и консолидации научного сообщества, произошла атомизация исследователей и исследовательских групп, что связано с прекращением работы Лаборатории гендерных исследований МГЛУ и большим перерывом в проведении консолидирующих мероприятий. Изолированность привела к падению уровня, особенно среди молодых исследователей, и недостаточному распространению информации. Так, докторская диссертация В.А. Ефремова [Ефремов 2010] не вызвала широкого обсуждения, которого она, безусловно, достойна. И это, разумеется, не единственный пример. Кроме того, многие молодые ученые в рамках академической мобильности работали над магистерскими и кандидатскими диссертациями в зарубежных университетах, где труды отечественных гендерологов почти не известны или критикуются.

Лишь в ноябре 2019 г. в Московской международной академии, через тринадцать лет после предыдущей, состоялась Четвертая международная конференция «Гендер: язык, культура, коммуникация», вновь собравшая научное сообщество. Этому крупному событию предшествовало еще одно не менее значимое научное мероприятие – Всероссийское междисциплинарное научное совещание «Вариативность языка и когнитивных структур: модели и методы» (ПГНИУ, кафедра теоретического и прикладного языкознания, 21 сентября 2019 г.), организованное Пермской научной школой социо- и психолингвистики, на котором выступили молодые специалисты, занимающиеся гендерной проблематикой в лингвистике.

На конференциях принято решение возобновить процесс и организовывать научный форум по гендерной проблематике каждые два года, как и прежде.

Заключение

Обобщая, можно заключить, что сегодня меняется научная интерпретация гендера в свете идеологии глобализма и общей ревизии модели человека:

- гендерная концепция под влиянием политики эволюционирует от дуальности к множественности; возникают новые виды дискурсивных практик, направленных на насаждение концепции множественности гендера и его расширительное толкование (на сегодняшний день – более шестидесяти видов).

- происходит сближение гендерных концепций с идеями постгендеризма и трансгуманизма;

- усиливается обсуждение политкорректности и реформирования языка для достижения множественного гендерного равноправия.

Все это интерпретируется как симптом изменения общей модели человека, а также как разнообразные мультимодальные формы и способы разрушения «традиционных» стереотипных представлений о мужественности и женственности через акцентирование множественности пола и включение в категорию нормы поведенческих образцов, ранее характеризовавшихся в терминах девиации или не существовавших.

Гендер, трактуемый с позиций глобализма, из инструмента дуального социокультурного разграничения полов превращается в инструмент самоидентификации и редуцируется при этом до нейтрального маркера сексуальной ориентации или любой самоидентификации вообще – *человек-дракон, инопланетянин* и т. п.

Противоположная тенденция – фундаментализм, провозглашающий возврат к патриархальному представлению о поле: тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной асимметрии (выражается прежде всего в смещении от метагендерного к гендерному уровню описания; в игнорировании неодинаковой степени андроцентричности языков; появлении и элементов мизогинического дискурса), что нередко поддерживается СМИ, религиозными организациями, общественным и отчасти даже научно-популярным дискурсом.

И все же, на наш взгляд, дискурсивное конструирование гендера играет ведущую роль. Особая роль отводится постсоветскому всплеску религиозной активности и расширению сферы влияния церкви, а также иноконфессиональной миграции и появлению связанных с ними новых агентивных имен существительных для обозначения лица и семантической трансформации имеющихся.

Для развития гендерной лингвистики в России на сегодняшний день характерны:

- институциональная недостаточность после десяти лет бурного роста;
- отсутствие консолидирующего центра внутри страны и деятельность международной исследовательской группы по гендерной славистике;
- рост предвзятого отношения к гендерным исследованиям в свете резкой политизации проблемы гендерного равенства;
- противоречивость общего развития гендерных исследований в свете изменения модели человека и столкновения дуальной и множественной моделей гендера и запаздывания научной рефлексии о результатах продвижения идей языкового равноправия, хотя они насчитывают уже пятидесятилетнюю историю;
- наметившиеся пути преодоления названных проблем.

Необходимо учитывать, что методологические основы гендерных исследований и их философское осмысление зависят от исторических факторов развития как самих лингвистических знаний, так и общенаучной модели человека. Существенную роль играет в рассмотрении и интерпретации фактов приверженность исследователя той или иной методологии, а часто и его идеологические установки. Гендерные исследования зависят от политического контекста. Сегодня он тоже меняется, поэтому трудно пока прогнозировать дальнейшие акценты в развитии гендерной лингвистики. Назовем лишь некоторые интересные, с нашей точки зрения, темы. Все еще слабо изучены в аспекте гендера разнообразные советские дискурсы. Нередко их изучение велось с позиции западной перспективы и потому несет «холод чужого взгляда». Модель советской женственности, однако, уникальна и относится к цивилизационным достижениям эпохи. Хотя бы поэтому она заслуживает «тепла во взгляде исследователя» и бережно-уважительного подхода.

Чрезвычайно интересно также проследить развитие гендерно значимого лексического состава русского языка в свете противоборствующих тенденций. Отчасти это сделано в [Кирилина 2019а; 2019б, 2020], но вопрос далеко не исчерпан. Требуется продолжения и лонгитюдных исследований изучения ассоциаций и когнитивных процессов человека в аспекте гендера; нуждается в дальнейшем накоплении данных гендерная социолингвистика. Бескрайние возможности предоставляют корпусные гендерные исследования (например, в [Даниэль, Зеленков 2012]), которые также еще малочисленны, но представлены в монографии. Ждут исследователя и изучение результатов феминистского реформирования языков, а также фактическое использование языка в сообществе *квир*.

В отличие от доглобалистского этапа, реформирование языка и внедрение феминитивов становятся сегодня частью общественного дискурса, опережая или игнорируя лингвистические данные исследования.

Не менее интересным представляется проследить тенденции «саморазвития» гендерно значимых лексических единиц, которые сегодня указывают на то, что агентивные имена мужского и женского рода возникают прежде всего в семантических сферах, где регистрируется социальная напряженность (межнациональные отношения и т.д.), что подтверждает идею о том, что «любая система символов так или иначе воспроизводит конфигурацию реальности» [Халеева 2000: 9].

Мы полагаем, что в настоящее время возобновляется консолидация усилий исследователей, возобновляется обмен научными результатами, а также растет интерес к тем разнообразнейшим инновациям и перспективным научным темам, которые изложены выше. Все это дает исследователям гендера основания для оптимизма.

© Кирилина А.В., 2021

Литература

Автухович Ю.Э. Влияние факторов «специальность» и «гендер» на употребление видовых форм глагола // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 33–40.

Адомина Л.В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 246 с.

Бастье Э. Кризис мужественности (08.07.2018) // URL: <https://inosmi.ru/social/20180708/242702031.html> (дата обращения: 30.03.2019).

Бовуар С. де. Второй пол. В 2 т. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.

Бодрова А.А. Конструирование гендера в кинотексте (на материале американского варианта английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2010. 158 с.

Васькова О.А. Гендер как предмет лексикографического описания: На материале фразеологии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 177 с.

Вепрева И.Т. Женщина в грамматике, словаре и речевой практике // Человек о языке — язык о человеке: Сб. статей памяти акад. Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2012. С. 91–99.

Вепрева И.Т., Пазио-Влазловская Д. Что могут сообщить брачные объявления о современной женщине (на материале польского и русского языков) // Русин. 2018. Т. 52. Вып. 2. С. 177–192.

Вепрева И.Т., Пазио-Влазловская Д. О проявлении гегемонной маскулинности современных мужчин в тексте брачного объявления (на материале польского и русского языков) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 62. С. 54–68.

Гаранович М.В. О социолингвистическом подходе при изучении функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина: Филология. 2010. Т. 1. № 3. С. 122–128.

Гаранович М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 272 с.

Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании носителей русского языка // Когнитивные исследования языка. 2019а. № 37. С. 897–903.

Гаранович М.В. Методы изучения социолингвистической вариативности гендерно-обусловленных когнитивных образований // Тезисы Четвертой междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019б. С. 30–33.

Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских: монография / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 228 с.

Гендер и язык / Под ред. А. В. Кирилиной. Московский гос. лингвистический университет; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

Гендер как интрига познания. Сост. А.В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. 191 с.

Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы Первой международной конференции (25–26 ноября 1999 г.). М.: МГЛУ, 1999. 146 с

Гендер: язык, культура, коммуникация: Мат-лы Второй Международной конференции (22–23 ноября 2001 г.). М.: МГЛУ, 2002.- 335 с.

Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Третьей Международной конференции (27–28 ноября 2003 г.). М.: МГЛУ, 2003.- 128 с.

Гендерный фактор в языке и коммуникации / под ред. И.И. Халеевой. Иваново, 1999. 92 с.

Гётте Е.Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 248 с.

Гончаренко С. Ф. Гендерный фактор в концептуально-метафорической картине мира оригинального поэта и поэта переводчика: интрига и драма перевоплощения // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Сб. науч. трудов МГЛУ. М., 1999. Вып. 4. С. 38–41.

Городникова М.Д. Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Сб. науч. трудов. Иваново, 1999. С. 23–27.

Городникова М.Д. Гендер в коммуникативной интеракции // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», Москва, 22–23 ноября 2001 г. М.: МГЛУ, 2002. С. 70–76.

Гриценко Е.С. Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе // Journal of Eurasian Research. Winter 2003. Vol. 3. No. 3. P. 71–79.

Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Н. Новгород, 2005. 405 с.

Гриценко Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Тезисы Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019. С. 23–24.

Гриценко Е.С., Лалетина А.О., Бодрова А.А., Дуняшева Л.Г. Гендер в британской и американской лингвокультурах. Монография. М., Наука. 2011. 220 с.

Гриценко Е. С., Лалетина А. О., Сергеева М. В. Гендер в английской лингвокультуре. Н. Новгород: Нижегородский гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2008. 214 с.

Даниэль М.А., Зеленков Ю.Г. НКРЯ как инструмент социолингвистических исследований. Эпизод IV: пол говорящего и длина реплики // Компьютерная

лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам конференции Диалог-2012. Т. 11. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 112–121.

Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания: сб. ст. М.: Рудомино, 2000. С. 19–35.

Доценко Т.И. Влияние фактора «пол» на внутренний лексикон подростка // Русский язык сегодня: Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. (РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова.) М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 78–85.

Дьяконова И.В. Иноязычное слово: социопсихолингвистический аспект исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2002. 18 с.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. С. 172–177.

Ерофеева Е.В. Дифференциация и интеграция социолектов: к вопросу о взаимодействии факторов // Вестник Пермского ун-та. Вып. 5 (11). 2010. С. 39–47.

Ерофеева Т.И. Современная городская речь. (Перм. ун-т; Прикамский соц. ин-т; Прикам. соц.-гум. колледж.) Пермь, 2004. 316 с.

Ерофеева Т.И. Языковая единица в гендерном рассмотрении // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 19. № 9 (110). С. 35–39.

Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: монография. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. 240 с.

Ерофеева Т.И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестник Пермского университета. 2010. Вып 1 (7). С. 21–25.

Ерофеева Т.И. Гендерные исследования в Пермской школе социо-и психолингвистики // Сборник статей пятой всероссийской конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (г. Санкт-Петербург, 28–31 ноября 2015 г.). СПб., 2015. С. 89–95.

Ерофеева Т.И. Стратификационное описание городского языкового пространства // Лингвистика городского пространства. Пермь, 2016. С. 9–18.

Ерофеева Т.И. Нарратив в социолингвистическом описании // Лингвистика городского пространства. Пермь, 2016. С. 45–59.

Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В. Человек и текст: антропоцентрический подход к исследованию // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4 (10). С. 144–149.

Ефремов В.А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 184 с.

Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ — ‘женщина’»: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 406 с.

Загоруйко Ж.С. Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999. 133 с.

Захарова Т.Н. Семиотические средства выражения гендера в тексте на электронном носителе (на материале немецких чатов): Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2006. 137 с.

Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учеб. пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.

Зубарева А.А. Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 19 с.

Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 219 с.

Камерон Д. Теоретические дискуссии в феминистской лингвистике: вопросы пола и гендера // *Гендер и язык*. М., 2005. С. 609–637.

Кандиоти Д. Эволюция гендерных исследований. Обзор // *Женщины и социальная политика (гендерный аспект)*. М.: ИСЭПН, 1992. С. 156–163.

Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // *Филологические науки*. 1998. № 2. С. 51–58.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 180 с.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.

Кирилина А.В. «Сто тысяч подруг — на трактор». Дискурсивные практики вовлечения женщин в трудовую деятельность (тридцатые годы) // *Wiener Slavistischer Almanach*. 2001. Sonderband 54. S. 447–457.

Кирилина А.В. Современное состояние гендерных исследований в российской лингвистике // *Beiträgedes Gender-Blockszum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15–21 August 2003. Specimina Philologiae Slavicae*. 2003. Bd. 137. S. 113–127.

Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебн. пос. для студентов высших учебных заведений. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 252 с. (Сер. «Учебные пособия по гендерной теории в гуманитарных науках».)

Кирилина А.В. Развитие лингвистических гендерных исследований в России (1999–2009) // *Язык и сознание: психолингвистические аспекты: Сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой и Т. Н. Ушаковой*. М.; Калуга: Эйдос, 2009. С. 67–81.

Кирилина А.В. Специфика развития гендерных исследований в России (середина 90-х гг. XX в. — 2010 г.) // *Общество — Язык — Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке: докл. Четвертой междунар. конф., 27 ноября 2009 г. М.: МИЛ*, 2010. С. 42–57.

Кирилина А.В. Специфика создания гендерных репрезентаций в России на рубеже XX–XXI вв. // *CHALLENGES OF INFORMATIONAL SOCIETY AND APPLIED PSYCHOLINGUISTICS — Proceedings of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics*. Editors: Natalia V. Ufimtseva, Anna V. Stepanova, Denis V. Makhovikov, Larisa S. Zhukova. Moscow: RUDN, Institute of Linguistics RAN, MIL, 2013. P. 427–429.

Кирилина А.В. Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России // *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference “Language as a Constitutive Element of a Gendered Society — Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages (Innsbruck, 1–4 October 2014) / Ed. by D. Scheller-Boltz // Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2015a. Bd. 59. S. 33–49.

Кирилина А.В. Динамика современных гендерных репрезентаций (2000–2015 гг.) // Сборник в честь юбилея В. А. Пищальниковой. М.: URRS, 2015б. С. 125–141.

Кирилина А. В. Ревизия научных представлений о гендере и состояние гендерной лингвистики на рубеже XX–XXI веков // Теория речевой деятельности и вызовы современности. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 6–8 июня 2019 г. / Редколлегия: Е. Ф. Тарасов (отв. ред.), Н. В. Уфимцева, В. П. Синячкин, У. М. Бахтикиреева, О. В. Балясникова, Е. С. Ощепкова, Л. С. Жукова, С. В. Дмитриук. М.: Канцлер, 2019а. С. 268–269.

Кирилина А.В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. 2019б. № 2. (40) 7. С. 12–29.

Кирилина А.В. Основные тенденции конструирования гендера в современной России // Тезисы Четвертой международной конференции “Гендер: язык, культура, коммуникация”. Москва, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019в. С. 33–36.

Коновалова С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте народной волшебной сказки: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2005. 219 с.

Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с/

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: РГТУ, 1995. С. 144–238.

Кун Г. Структура научных революций. М., 1977. 250 с.

Купцова Г. И. Гендерный аспект текстов, нанесенных на детские товары // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Часть 1. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». Москва, 24–26 мая 2016 г. / Редколлегия: Е. Ф. Тарасов (отв. ред.), Н. В. Уфимцева, О. В. Балясникова, Д. В. Маховиков, А. А. Степанова. М.: Канцлер, 2016. С. 305–307.

Купцова Г.И. Отражение современных гендерных репрезентаций в семиотическом ландшафте Москвы // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 6А. С. 156–164.

Купцова Г.И. Семиотика гендера в игрушках для детей разного возраста // Тезисы Четвертой международной конференции “Гендер: язык, культура, коммуникация”. Москва, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019. С. 101–102.

Маслова Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2007. 192 с.

Никонов А. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. М.: Издательский дом: НЦ ЭНАС, 2005. 385 с.

Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 15–34.

Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А. М. Корбута; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А. Современный трафик работорговли: причины, последствия, профилактика // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 43–48.

Сергеева М.В. Динамика гендерных репрезентаций в британской толковой лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 27 с.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009. С. 249–295.

Стернин И.А. Общение с мужчинами и женщинами. Воронеж, 2001. 35 с.

Стернин И.А. Общение с мужчинами, женщинами, в семье. 8-е изд., испр. и доп. Воронеж: РИТМ, 2019. 62 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 286 с.

Томская М.В. Национально-культурная специфика отражения гендерного концепта в якутском языке (на материале якутского героического эпоса) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы Третьей международной конференции, 27–28 ноября 2003 г. М.: РЕМА, 2006. С.130–142.

Томская М.В. Акты институционализации в научном дискурсе // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков. Материалы международной научной конференции к 100-летию заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук, профессора А.В. Кунина. 2009. С. 166–167.

Томская М.В. О конструировании социальной идентичности в межкультурной научной коммуникации // Общество — Язык — Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. М., 2009. С.172–183.

Усманова М.В. Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций (на материале устных спонтанных монологов): учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. 152 с.

Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. 416 с.

Халеева И.И. Задачи московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте “Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии” // Женщина в российском обществе, 1998. № 3. С. 8–11.

Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации / Под ред. И. И. Халеевой. Иваново, 1999. С. 5–9.

Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания: сб. ст. / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 9–18.

Черноусова А.С. Лексическая единица и ее запоминание: социолингвистическое исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. 23 с.

Черных О.Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 182 с.

Чех Г. Образ семьи в текстах молодежной литературы в условиях глобализации. Тезисы Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, ММА, 28–29 ноября 2019 г. М.: Московская международная академия, 2019. С. 154–155.

Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123–132.

Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту // URL: <http://polit.ru/article/2005/06/21/urevich/> (дата обращения: 03.01.2016).

Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N. Y., 1967. 216 p.

Borneman E. Das Patriarchat. Ursprung und Zukunft unseres Gesellschafts. Frankfurt a. Main, 1991 (zuerst 1971). 694 s.

Boxer D., Gritsenko E. Women and Language Across Cultures: Reconstituting Identity in Marriage / Women and Language. 2005. T. 28. № 2. P. 1–11.

Butler Judith P. Performative Acts and Gender Construction: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // Theatre Journal. 1988. 40 (4). P. 519–531.

Butler Judith P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. NY: Routledge, 1990. 172 p.

Butler Judith P. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex». NY; London: Routledge, 1993. 256 p.

Butler Judith P. Körper von Gewicht. Die diskursiven Grenzen des Geschlechts. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 385 s.

Cameron D. Globalization and the teaching of “communication skills” // Globalization and the Language Teaching / Ed. by D. Block, D. Cameron. Routledge, 2002. P. 67–82.

Coats J. Women, men and language. A sociolinguistic account of sex differences in language. New York, 1986. 389 p.

Connell R.W. The big picture: Masculinities in recent world history // Theory & Society. 1993. 22. P. 597–623.

Easthope A. British post-structuralism since 1968. London; New-York, 1988. 255 p.

Einführung in den Konstruktivismus-Beiträge von Heinz von Foerster, Ernst von Glasersfeld, Peter M. Hejl, Siegfried J. Schmidt und Paul Watzlawick-Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung / Hrsg. von H. Gumin, H. Meier. München: Piper Verlag GmbH, 1992, 1. Aufl. Bd. 5. 192 S.

Galtung J. Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxon, teutonic, gallic and nipponic approaches // Social Science Information. 1981. 20. P. 817–856.

Goffman E. Interaktion und Geschlecht. Frankfurt am Main, 1994. 194 s. (Engl. 1976.)

Janssen-Jurreit M. Sexismus. Über die Abtreibung der Frauenfrage. München-Wien, 1975. 756 s.

Kirilina A.V. Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der EMMA-Zeitschrift // das Wort. Germanistisches Jahrbuch., 1999.

Kirilina A. Geschlechtergerechte Sprache in Russland // Sprachdienst. 2020. 1–2, Jahrgang 64. S. 87–92.

Kirilina A., Kuptsova G. Multilingualism in the Linguistic Landscape of Moscow Based on Inscriptions on Children’s Toys // International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019) Atlantic press. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 315. P. 404–406.

Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 9–15.

Lakoff R. Language and women’s Place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45–79.

Merton R. K. The Sociology of Science. Chicago London, 1973. 605 p.

Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. Linguistische Berichte, 1981. S. 59–74.

Pusch L. Alle Menschen werden Schwestern. Frankfurt am Main, 1990. 245 s.

Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995. 224 s.

Scheller-Boltz D. The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics. Georg Olms Verlag Hildesheim. Zürich - New York, 2017. 251 P.

Scheller-Boltz D. Grammatik und Ideologie. Feminisierungsstrategien im Russischen und Polnischen aus der Sicht der Wissenschaft und Gesellschaft. (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe). Frankfurt am Main: Lang, 2019.

Scott J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. № 5. P. 1053–1075.

Theory & Society. Masculinities. Special Issue: Theory and Society. 1993. P. 597–623.

Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache // Linguistische Berichte, 1978. S. 49–68.

Trömel-Plötz S. (Hrsg.): Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. Frankfurt am Main, 1982a. 405 S.

Trömel-Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung. Frankfurt am Main, 1982b. 219 S.

Walby S. Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory // Sociology. 2012. Vol. 46. № 2. P. 224–240.

Список источников

Блог rjadovoj_rus // URL: <https://rjadovoj-rus.livejournal.com> (дата обращения: 03.02.2020).

Борисов П. От двоеженства к ранним бракам. Как развивался скандал со свадьбой 17-летней девушки и начальника чеченского РОВД (17.05.2015) // URL: <https://meduza.io/feature/2015/05/17/ot-dvoezhenstva-k-rannim-brakam> (дата обращения: 17.05.2015).

В Барселоне открылся первый европейский бордель с силиконовыми куклами (01.03.2017) // URL: <https://noticia.ru/allnews/obshhestvo/v-barselone-otkrylsya-pervyj-evropejskij-bordel-s-silikonovymi-kuklami-19570.htm> (дата обращения: 01.03.2017).

В США открылся магазин для юных трансгендеров (ИА Красная Весна 29.12.2017) // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/d439f44b> (дата обращения: 27.05.2019).

В Туркмении начали массово лишать женщин водительских прав (19.02.2019) // URL: <https://news.mail.ru/society/36357981/> (дата обращения: 19.02.2019).

Гомосексуальность и психическая норма: материал из Википедии // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гомосексуальность_и_психическая_норма#cite_note-НПЖ2006-31 (дата обращения: 10.04.2020).

Запрет посещения бассейна для женщин в российском регионе объяснили (22.01.2020) // URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/22/explanation/> (дата обращения: 22.01.2020).

Матвеева А. Кукольный дом: как работает первый бордель с куклами в Москве (01.05.2018) // URL: <https://riamo.ru/article/284830/kukolnyj-dom-kak-rabotaet-pervyj-bordel-s-kuklami-v-moskve.xl> (дата обращения: 03.05.2018).

Первый брак между тремя мужчинами заключили в Колумбии (14.06.2017) // URL: <https://lenta.ru/news/2017/06/14/colombia/> (дата обращения: 13.03.2020).

Протоиерей Смирнов призвал оставить девочек без школьного образования // URL: https://iz.ru/983362/2020-03-04/protoierei-smirnov-prizval-ostavit-devochek-bez-shkolnogo-obrazovaniia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_

referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 04.03.2020).

Психолог: гендерная идеология — лишь наукообразная оболочка идеологии ЛГБТ (29.11.2017) // URL: <https://rvs.su/novosti/2017/psiholog-gendernaya-ideologiya-lish-naukoobraznaya-obolochka-ideologii-lgbt> (дата обращения: 30.03.2020).

Смирнова О. В Петербурге открылся бордель с эльфами и подогревом: среди силиконового секс-персонала есть один скучающий мужчина (06.06.2019) // URL: <https://spb.mk.ru/social/2019/06/06/v-peterburge-otkrylsya-bordel-s-elfami-i-podogrevom.html> (дата обращения: 06.06.2019).

Солдатов А., Тороп А. С обидой на все мирское. Почему протоиерей Димитрий Смирнов может спокойно оскорблять людей // URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/17/83970-myagkiy-dobryy-i-otzyvchivyy-pastyr> (дата обращения: 19.02.2020).

Стешин Д. Зачем модельеры Гуччи заставили мужчин переодеться в женщин? // URL: <https://www.kp.ru/daily/27103/4177377/> (дата обращения: 12.03.2020).

Тачмамедова Ж. Транссексуализм и педофилия уже не патология? Новые нормы психиатрии (05.06.2019) // URL: <https://regnum.ru/news/society/2642375.html> (дата обращения: 06.05.2019).

Хронология легализации однополых союзов: материал из Википедии // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хронология_легализации_однополых_союзов (дата обращения: 10.04.2020).

Bloggen er fjernet // URL: <http://theasbryllup.blogg.no> (дата обращения: 25.05.2016).

Olohan M.M. Mattel Releases Gender-Neutral Barbies in Efforts to Be ‘More Inclusive’ (26.09.2019) // URL: <https://www.dailysignal.com/2019/09/26/mattel-releases-gender-neutral-barbies-in-efforts-to-be-more-inclusive/> (дата обращения: 20.10.2019).

Steffen Königer German AfD Politician about Gendermania (English Subtitles) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H3pntGBYlho> (дата обращения: 22.03.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.06.2021

Дата принятия к печати: 20.09.2021

Сведения об авторе:

Кирилина Алла Викторовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии

Контактная информация:

129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1

ORCID: 0000-0002-3818-6387

e-mail: alkira@list.ru

Для цитирования:

Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики №3(49) 2021, С. 109–147, doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147

UDC 81'23

LBC 100.3

DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147

Survey article

GENDER AND GENDER LINGUISTICS AT THE BORDER OF THE THIRD MILLENNIUM

Alla V. Kirilina

Moscow International Academy, Moscow, Russia

Abstract

The issue deals with the transformations taking place at the turn of the XX–XXI centuries in the understanding of gender and gender studies; the presence of two trends is established – the globalist trend towards rejection of the binary model of gender and gender correlation, as well as the fundamentalist patriarchal model of gender and their interaction in our country. The history of development and the main features, results and problems of gender linguistics in Russia are also characterized.

Key words: gender, gender linguistics, globalization, non-binary model of gender, patriarchal fundamentalism

References

Adonina, L.V. (2007) *Kontsept «zhenshchina» v russkom yazykovom soznanii* [The concept “woman” in the Russian linguistic consciousness]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Voronezh. 246 p. (in Russian)

Avtukhovich, Yu.E. (2012) Vliyanie faktorov «spetsial'nost'» i «gender» na upotreblenie vidovykh form glagola [The influence of factors “specialty” and “gender” on the use of specific forms of the verb]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (17), 33–40. (in Russian)

Bast'e, E. (2018) *Krizis muzhestvennosti* [The crisis of masculinity] (08.07.2018) // Available from: <https://inosmi.ru/social/20180708/242702031.html> [Accessed 30th March 2019]. (in Russian)

Berger, P.L., Luckmann, T. (1967) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N.Y. 216 p.

Bodrova, A.A. (2010) *Konstruirovaniye gendera v kinotekste (na materiale amerikanskogo varianta angliiskogo yazyka)* [Constructing Gender in Film Text (Based on American English)]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Nizhnii Novgorod. 158 p. (in Russian)

Borneman, E. (1991) *Das Patriarchat. Ursprung und Zukunft unseres Gesellschaftens*. Frankfurt a. Main (first published in 1971). 694 p. (in German)

Bovuar, S. de. (1997) *Vtoroi pol* [The second gender]. In two volumes. Transl. from French. Moscow, Progress Publ.; Saint-Petersburg, Aleteiya Publ. 832 p. (in Russian)

Boxer, D., Gritsenko, E. (2005) Women and Language Across Cultures: Reconstituting Identity in Marriage. *Women and Language*. 28(2), 1–11.

Butler, Judith P. (1988) Performative Acts and Gender Construction: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory. *Theatre Journal*. 40 (4), 519–531.

Butler, Judith P. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. NY.

Routledge. 172 p.

Butler, Judith P. (1993) *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex»*. NY; London. Routledge. 256 p.

Butler, Judith P. (1995) *Körper von Gewicht. Die diskursiven Grenzen des Geschlechts*. Frankfurt am Main. Suhrkamp. 385 p. (in German)

Cameron, D. (2002) Globalization and the teaching of “communication skills”. In: Block, D., Cameron, D. (eds) *Globalization and the Language Teaching*, pp. 67–82.

Cameron, D. (2005) Teoreticheskie diskussii v feministской lingvistike: voprosy pola i gendera [Theoretical Discussions in Feminist Linguistics: Gender and Gender Issues]. In: *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moscow. С. 609–637. (in Russian)

Chernousova, A.S. (2008) *Leksicheskaya edinitsa i ee zapominanie: sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [Lexical unit and its memorization: sociolinguistic research]: Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Perm'. 23 p. (in Russian)

Chernykh, O.Yu. (2012) *Semioticheskie sredstva konstruirovaniya gendera v pedagogicheskom disкурсе* [Semiotic means of constructing gender in pedagogical discourse]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. 182 p. (in Russian)

Chekh, G. (2019) Obraz sem'i v tekstakh molodezhnoi literatury v usloviyakh globalizatsii [The image of the family in the texts of youth literature in the context of globalization]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference “Gender: Language, Culture, Communication”*. Moscow, MMA, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., pp. 154–155. (in Russian)

Coats, J. (1986) *Women, men and language. A sociolinguistic account of sex differences in language*. New York. 389 p.

Connell, R.W. (1993) The big picture: Masculinities in recent world history. *Theory & Society*. 22, pp. 597–623.

Daniel', M.A., Zelenkov, Yu.G. (2012) NKRYa kak instrument sotsiolingvisticheskikh issledovaniy. Epizod IV: pol govoryashchego i dlina repliki [RNC as a tool for sociolinguistic research. Episode IV: gender of the speaker and length of the line]. In: *Computational linguistics and intelligent technologies*. Based on the materials of the conference “Dialog-2012”. 11. Moscow. RGGU Publ., pp. 112–121. (in Russian)

Dobrovol'skii, D.O., Kirilina, A.V. (2000) Feministskaya ideologiya v gendernykh issledovaniyakh i kriterii nauchnosti [Feminist ideology in gender studies and scientific criteria]. In: *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as the intrigue of cognition]. Moscow. Rudomino Publ., pp. 19–35. (in Russian)

Dotsenko, T.I. (2000) Vliyanie faktora «pol» na vnutrennii leksikon podrostanta [Influence of the factor “gender” on the inner lexicon of a teenager]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russian language today*: Collection of articles (V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences). Moscow. Azbukovnik Publ. 1, pp. 78–85. (in Russian)

D'yakonova, I.V. (2002) *Inoyazychnoe slovo: sotsiopsikholingvisticheskii aspekt issledovaniya* [Foreign language: the sociopsycholinguistic aspect of the study]: Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Perm'. 18 p. (in Russian)

Easthope, A. (1988) *British post-structuralism since 1968*. London; New-York. 255 p.

Efremov, V.A. (2009) «Muzhchina» i «zhenshchina» v russkoi yazykovoй kartine mira [“Man” and “Woman” in the Russian Language Picture of the World]. Saint Petersburg. Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. 184 p. (in Russian)

Efremov, V.A. (2010) *Dinamika russkoi yazykovoi kartiny mira: verbalizatsiya kontseptual'nogo prostranstva «'muzhchina' – 'zhenshchina'»* [Dynamics of the Russian linguistic picture of the world: verbalization of the conceptual space «'man' – 'woman'»]: dissertation of the candidate of philological sciences. Saint Petersburg. 406 p. (in Russian)

Erofeeva, E.V. (2005) *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm'. Perm State University Publ., pp. 172–177. (in Russian)

Erofeeva, E.V. (2010) Differentsiatsiya i integratsiya sotsiolektov: k voprosu o vzaimodeistvii faktorov [Differentiation and integration of sociolects: on the question of the interaction of factors]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 5 (11), 39–47. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2008) *Yazykovaya edinita v gendernom rassmotrenii* [Language unit in gender considerations]. In: Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism. 19 (9) (110), pp. 35–39. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2009) *Sotsiolekt: stratifikatsionnoe issledovanie* [Sociolect: stratification research]: monograph. Perm'. Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 240 p. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2010) Sotsiolekt kak instrument opisaniya yazykovoi situatsii regiona [Sociolect as a tool for describing the linguistic situation of the region]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (7), 21–25. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2015) Gendernye issledovaniya v Permskoi shkole sotsio- i psikholingvistiki [Gender Studies at the Perm School of Socio- and Psycholinguistics]. In: *Collection of articles of the fifth all-Russian conference "Stratification of the national language in modern Russian society"* (Saint Petersburg, 28–31 November 2015). Saint Petersburg, pp. 89–95. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2016) Stratifikatsionnoe opisanie gorodskogo yazykovogo prostranstva [Stratification description of urban linguistic space]. In: *Lingvistika gorodskogo prostranstva* [Linguistics of urban space]. Perm', pp. 9–18. (in Russian)

Erofeeva, T.I. (2016) Narrativ v sotsiolingvisticheskom opisanii [Narrative in sociolinguistic description]. In: *Lingvistika gorodskogo prostranstva* [Linguistics of urban space]. Perm', pp. 45–59. (in Russian)

Erofeeva, T.I., Erofeeva, E.V. (2010) Chelovek i tekst: antropotsentricheskii podkhod k issledovaniyu [Man and Text: An Anthropocentric Approach to Research]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (10), 144–149. (in Russian)

Fuko, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Saint Petersburg, 2004. 416 p. (in Russian)

Galtung, J. (1981) Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxon, teutonic, gallic and nipponic approaches. *Social Science Information*. 20, 817–856.

Garanovich, M.V. (2010) O sotsiolingvisticheskom podkhode pri izuchenii funktsionirovaniya gendernykh stereotipov v yazykovom soznanii nositelei yazyka [On the sociolinguistic approach to the study of the functioning of gender stereotypes in the linguistic consciousness of native speakers]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina: Filologiya*. 1(3), 122–128. (in Russian)

Garanovich, M.V. (2011) *Variativnost' gendernykh stereotipov v zavisimosti ot sotsial'nykh parametrov govoryashchikh* [Variability of gender stereotypes depending on

the social parameters of speakers]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Perm'. 272 p. (in Russian)

Garanovich, M.V. (2019a) Sotsiolingvisticheskoe var'irovanie gendernykh stereotipov v yazykovom soznanii nositelei russkogo yazyka [Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of Russian speakers]. *Cognitive studies of language*. 37, 897–903. (in Russian)

Garanovich, M.V. (2019b) Metody izucheniya sotsiolingvisticheskoi variativnosti genderno-obuslovlennykh kognitivnykh obrazovaniĭ [Methods for studying the sociolinguistic variability of gender-related cognitive formations]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya Mezhdunarodnaya Akademiya Publ, pp. 30–33. (in Russian)

Garanovich, M.V. (2020) *Sotsiolingvisticheskoe var'irovanie gendernykh stereotipov v yazykovom soznanii russkikh* [Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of Russians]: monograph. Permskiĭ gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skiĭ universitet. Perm'. 228 p. (in Russian)

Gender, language, culture, communication (1999). Proceedings of the Third International Conference 25–26 November 1999. Moscow. Moscow State Linguistic University. 146 p. (in Russian)

Gender, language, culture, communication (2002). Proceedings of the Third International Conference 22–23 November 2001. Moscow. Moscow State Linguistic University. 335 p. (in Russian)

Gender, language, culture, communication (2003). Proceedings of the Third International Conference 27–28 November 2003. Moscow. Moscow State Linguistic University. 128 p. (in Russian)

Gette, E. Yu. (2004) *Rechevoe povedenie v gendernom aspekte: problemy teorii i metodiki opisaniya* [Speech Behavior in the Gender Aspect: Problems of Theory and Methods of Description]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Voronezh. 248 p. (in Russian)

Goffman, E. (1994) *Interaktion und Geschlecht*. Frankfurt am Main. 194 s. (Engl. 1976.) (in German)

Goncharenko, S.F. (1999) Gendernyi faktor v kontseptual'no-metaforicheskoi kartine mira original'nogo poeta i poeta perevodchika: intriga i drama perevoploshcheniya [Gender factor in the conceptual-metaphorical picture of the world of the original poet and the translator's poet: intrigue and drama of reincarnation]. In: *Actual problems of intercultural communication*. Collection of scientific papers of Moscow State Linguistic University. Moscow. 4, pp. 38–41. (in Russian)

Gorodnikova, M.D. (1999) Gendernyi faktor i raspredelenie sotsial'nykh rolei v sovremennom obshchestve [Gender factor and distribution of social roles in modern society]. In: *Gender in language and communication*. Collection of scientific papers. Ivanovo, pp. 23–27. (in Russian)

Gorodnikova, M.D. (2002) Gender v kommunikativnoi interaktsii [Gender in communicative interaction]. In: *Reports of the Second International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 22–23 November 2001. Moscow. Moscow State Linguistic University, pp. 70–76. (in Russian)

Gritsenko, E.S. (2003) Gendernye aspekty natsional'noi identichnosti v rossiiskom

predvybornom diskurse [Gender Aspects of National Identity in Russian Pre-Election Discourse]. *Journal of Eurasian Research*. 3(3), 71–79. (in Russian)

Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]: dissertation for the degree of doctor of philological science. 10.02.19. Nizhnii Novgorod. 405 p. (in Russian)

Gritsenko, E.S. (2019) O sovremennykh tendentsiyakh v lingvisticheskom izuchenii gendera, ego kontseptualizatsii i reprezentatsii (na materiale angliiskogo yazyka) [On current trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation (based on the material of the English language)]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., pp. 23–24. (in Russian)

Gritsenko, E.S., Laletina, A.O., Bodrova, A.A., Dunyasheva, L.G. (2011) *Gender v britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh* [Gender in British and American Linguistic Cultures]: Monograph. Moscow. Nauka Publ. 220 p. (in Russian)

Gritsenko, E. S., Laletina, A. O., Sergeeva, M. V. (2008) *Gender v angliiskoi lingvokul'ture* [Gender in English linguoculture]. Nizhnii Novgorod. Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet imeni N. A. Dobrolyubova. 214 p. (in Russian)

Gumin, H., Meier, H. (Hrsg.) (1992) *Einführung in den Konstruktivismus-Beiträge* von Heinz von Foerster, Ernst von Glasersfeld, Peter M. Hejl, Siegfried J. Schmidt und Paul Watzlawick-Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung. München. Piper Verlag GmbH. 1. Aufl. Bd. 5. 192 S. (in German)

Janssen-Jurreit, M. (1975) *Sexismus. Über die Abtreibung der Frauenfrage*. München-Wien. 756 s. (in German)

Kandiotti, D. (1992) Evolyutsiya gendernykh issledovaniy. Obzor [Evolution of gender studies. Overview]. In: *Zhenshchiny i sotsial'naya politika (gendernyi aspekt)* [Women and social policy (gender aspect)]. Moscow. ISEPN, pp. 156–163. (in Russian)

Khaleeva, I.I. (1998) *Zadachi moskovskogo lingvisticheskogo universiteta v mezhdistsiplinarnom proekte "Feminologiya i gendernye issledovaniya v Rossii: perspektivnye strategii i tekhnologii"* [Tasks of the Moscow Linguistic University in the interdisciplinary project "Feminology and Gender Studies in Russia: Advanced Strategies and Technologies"]. *Woman in Russian society*, 3, 8–11. (in Russian)

Khaleeva, I.I. (1999) Gender kak intriga poznaniya [Gender as the intrigue of cognition]. In: Khaleeva, I.I. (ed.) *Gendernyi faktor v yazyke i kommunikatsii* [Gender in language and communication]. Ivanovo, pp. 5–9. (in Russian)

Khaleeva, I.I. (ed.) (1999) *Gendernyi faktor v yazyke i kommunikatsii* [Gender in language and communication]. Ivanovo. 92 p. (in Russian)

Khaleeva, I.I. (2000) Gender kak intriga poznaniya [Gender as the intrigue of cognition]. In: Kirilina, A.V. (ed.) *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as the intrigue of cognition]. Moscow, pp. 9–18. (in Russian)

Kirilina, A.V. (1998) Razvitie gendernykh issledovaniy v lingvistike [Development of gender studies in linguistics]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2, 51–58. (in Russian)

Kirilina, A.V. (1999) Gender: lingvisticheskie aspekty [Gender: linguistic aspects]. Moscow. Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN. 180 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (1999) *Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der EMMA-Zeitschrift* // In: *das Wort. Germanistisches Jahrbuch*..

Kirilina, A.V. (2000) *Gendernye aspekty yazyka i kommunikatsii* [Gender aspects of language and communication]: dissertation of the doctor of philological sciences. Moscow. 369 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (ed.) (2000) *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as the intrigue of cognition]. Moscow. Rudomino Publ. 191 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2001) «Sto tysyach podrug — na traktor». Diskursivnye praktiki vovlecheniya zhenshchin v trudovuyu deyatel'nost' (tridtsatye gody) ["One hundred thousand friends – to the tractor." Discursive Practices for Engaging Women in Work (Thirties)]. In: *Wiener Slawistischer Almanach*. Sonderband 54, pp. 447–457. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2003) Sovremennoe sostoyanie gendernykh issledovaniy v rossiiskoi lingvistike [The current state of gender studies in Russian linguistics]. In: *Beiträgedes Gender-Blockszum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15–21 August 2003*. Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 137, pp. 113–127. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2004) Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender Studies in Linguistics and Communication Theory]: Study guide for university students. Moscow. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ. 252 p. (Series "Textbooks on Gender Theory in the Humanities".) (in Russian)

Kirilina, A.V. (ed.) (2005) *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet; Laboratoriya gendernykh issledovaniy. Moscow. Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. 624 p. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2009) Razvitie lingvisticheskikh gendernykh issledovaniy v Rossii (1999–2009) [Development of linguistic gender studies in Russia (1999–2009)]. In: Ufimtseva, N.V., Ushakova, T.N. (eds.) *Language and Consciousness: Psycholinguistic Aspects*. Collection of Articles. Moscow, Kaluga. Eidos Publ., pp. 67–81. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2010) Spetsifika razvitiya gendernykh issledovaniy v Rossii (seredina 90-kh gg. KhKh v. — 2010 g.) [Specificity of the development of gender studies in Russia (mid-90s of the XX century - 2010)]. In: *Society – Language – Culture: Actual Problems of Interaction in the 21st Century*: Reports of the Fourth International Conference, 27 November 2009. Moscow. MIL, pp. 42–57. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2013) Spetsifika sozdaniya gendernykh reprezentatsii v Rossii na rubezhe XX–XXI vv. [The specifics of the creation of gender representations in Russia at the turn of the XX – XXI centuries.]. In: Ufimtseva, N.V. et al (eds) *CHALLENGES OF INFORMATIONAL SOCIETY AND APPLIED PSYCHOLINGUISTICS* — Proceedings of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. Moscow. RUDN, Institute of Linguistics RAN, MIL, pp. 427–429. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2015a) Semioticheskie osobennosti gendernykh reprezentatsii v sovremennoi Rossii [Semiotic features of gender representations in modern Russia]. In: Scheller-Boltz, D. (ed.) *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies*. Proceedings of the International Conference "Language as a Constitutive Element of a Gendered Society — Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages (1–4 October Innsbruck 2014). Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände. Wiesbaden. Harrasowitz Verlag. Bd. 59, pp. 33–49. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2015b) Dinamika sovremennykh gendernykh reprezentatsii (2000–2015 gg.) [Dynamics of modern gender representations (2000–2015)]. In: *Collection of articles in honor of the anniversary of V.A. Pishchalnikova*. Moscow. URRS Publ., pp. 125–141. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2019) Osnovnye tendentsii konstruirovaniya gendera v sovremennoï Rossii [The main trends in the construction of gender in modern Russia]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., pp. 33–36. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2019a) Reviziya nauchnykh predstavlenii o genere i sostoyanie gendernoi lingvistiki na rubezhe KhKh–KhKhI vekov [Revision of scientific ideas about gender and the state of gender linguistics at the turn of the XX–XXI centuries]. In: Tarasov E.F. et al (eds) *The theory of speech activity and the challenges of our time*. Materials of the XIX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. June 6–8 Moscow 2019. Moscow. Kantsler Publ., pp. 268–269. (in Russian)

Kirilina, A.V. (2019b) Oboznacheniya genderno znachimoi leksiki v svete protivopostavlenniya global'nogo i otechestvennogo (po materialam natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Designations of gender-significant vocabulary in the light of the opposition of the global and domestic (based on the materials of the national corpus of the Russian language)]. *Journal of psycholinguistics*. 2 (40), 12–29. (in Russian)

Kirilina, A. (2020) Geschlechtergerechte Sprache in Russland. In: *Sprachdienst*. 1–2, Jahrgang 64. S. 87–92. (in German)

Kirilina, A., Kuptsova, G. (2019) *Multilingualism in the Linguistic Landscape of Moscow Based on Inscriptions on Children's Toys*. In: International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019) Atlantic press. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 315, pp. 404–406.

Konovalova, S.A. (2005) *Gendernaya spetsifika vyrazheniya predikativnykh otnoshenii v tekste narodnoi volshebnoi skazki* [Gender Specificity of Expression of Predicative Relations in the Text of a Folk Fairy Tale]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. MGLU. 219 p. (in Russian)

Kotthoff, H. (1996) Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien. *Der Deutschunterricht*. 1, 9–15. (in German)

Kreidlin, G.E. (2005) *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in non-verbal communication] Moscow. Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. 224 p. (in Russian)

Kubryakova, E. S. (1995) Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine KhKh veka [Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Language and Science of the End of the 20th Century*: Collection of articles. Moscow. RGGU, pp. 144–238. (in Russian)

Kun, G. (1977) Struktura nauchnykh revolyutsii [Структура научных революций]. Moscow. 250 p. (in Russian)

Kuptsova, G.I. (2016) Gendernyi aspekt tekstov, nanesennykh na detskie tovary [Gender Aspect of Texts Applied to Baby Products]. In: Tarasov E.F. et al (eds) *The Active Mind: From Humanitarian Methodology to Humanitarian Practices*. Part 1. Materials of the XVIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory "Theory of Speech Activity: Practices and Experiment". 24–26 May 2016. Moscow. Kantsler, pp. 305–307. (in Russian)

Kuptsova, G.I. (2018) Otrazhenie sovremennykh gendernykh reprezentatsii v semioticheskom landshafte Moskvy [Reflection of contemporary gender representations in the semiotic landscape of Moscow]. *Culture and Civilization*. 8. (6A), 156–164. (in Russian)

- Kuptsova, G.I. (2019) Semiotika gendera v igrushkakh dlya detei raznogo vozrasta [Semiotics of gender in toys for children of different ages]. In: *Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"*. Moscow, 28–29 November 2019. Moscow. Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., pp. 101–102. (in Russian)
- Lakoff, R. (1973) Language and women's Place. *Language in Society*. 2, 45–79.
- Maslova, L.N. (2007) *Vyrazhenie soglasiya/nesoglasiya vustnoi nauchnoi kommunikatsii: gendernyi aspekt* [Expression of agreement / disagreement in oral scientific communication: gender aspect]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. MGLU. 192 p. (in Russian)
- Merton, R. K. (1973) *The Sociology of Science*. Chicago London, 605 p.
- Nikonov, A. (2005) *Konets feminizma. Chem zhenshchina otlichaetsya ot cheloveka* [The end of feminism. How does a woman differ from a man]. Moscow. Izdatel'skii dom: NTs ENAS. 385 c. (in Russian)
- Pusch, L. (1981) Das Deutsche als Männersprache. *Linguistische Berichte*, 59–74. (in German)
- Pusch, L. (1990) *Alle Menschen werden Schwestern*. Frankfurt am Main. 245 s. (in German)
- Pushkareva, N.L. (1999) Gendernye issledovaniya: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy v sisteme istoricheskikh nauk [Gender Studies: Birth, Formation, Methods and Prospects in the System of Historical Sciences]. In: *Zhenshchina. Gender. Kul'tura* [Female. Gender. Culture]. Moscow, pp. 15–34. (in Russian)
- Ridings, B. (2010) *Universitet v ruinakh* [University in ruins]. (Transl. from English by A.M. Korbuta). Moscow. Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta — Vyssheĭ shkoly ekonomiki. 304 p. (in Russian)
- Samel, I. (1995) *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft*. Berlin. 224 s. (in German)
- Scheller-Boltz, D. (2017) *The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia*. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics. Georg Olms Verlag Hildesheim. Zürich – New York. 251 P.
- Scheller-Boltz, D. (2019) *Grammatik und Ideologie*. Feminisierungsstrategien im Russischen und Polnischen aus der Sicht der Wissenschaft und Gesellschaft. (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe). Frankfurt am Main. Lang. (in German)
- Scott, J.W. (1986) Gender: A Useful Category of Historical Analysis. *American Historical Review*. 91(5), 1053–1075.
- Sergeeva, M.V. (2007) *Dinamika gendernykh reprezentatsii v britanskoi tolkovoĭ leksikografii* [Dynamics of Gender Representations in British Expository Lexicography]: Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Nizhnii Novgorod. 27 p. (in Russian)
- Stepin, V.S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classics, non-classical, post-non-classical: criteria for discrimination]. In: Kiyashchenko, L.P., Stepin, V.S. (eds) *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-nonclassics: philosophy, science, culture]: collective monograph. Saint Petersburg, pp. 249–295. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2001) *Obshchenie s muzhchinami i zhenshchinami* [Communication with men and women.]. Voronezh. 35 p. (in Russian)

Sternin, I.A. (2019) *Obshchenie s muzhchinami, zhenshchinami, v sem'e* [Communication with men, women, in the family]. Voronezh. RITM Publ. 62 p. (in Russian)

Sternin, I.A., Rudakova, A.V. (2011) *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisaniye. Teoreticheskie problem* [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems]. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken. 192 p. (in Russian)

Svad'bina, T.V., Nemova, O.A., Pakina, T.A. (2014) *Sovremennyyi trafik rabotorgovli: prichiny, posledstviya, profilaktika* [Modern Slave Trade Traffic: Causes, Consequences, Prevention]. *Sociological Studies*. 2, 43–48. (in Russian)

Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow. Yazyki russkoi kul'tury Publ. 286 p. (in Russian)

Theory & Society. Masculinities. (1993) Special Issue: Theory and Society, 597–623.

Tomskaya, M.V. (2006) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika otrazheniya gendernogo kontsepta v yakutskom yazyke (na materiale yakutskogo geroicheskogo eposa)* [National and cultural specifics of the reflection of the gender concept in the Yakut language (based on the material of the Yakut heroic epic)]. In: *Gender: language, culture, communication: Proceedings of the Third International Conference*, 27–28 November 2003. Moscow. REMA Publ., pp.130–142. (in Russian)

Tomskaya, M.V. (2009) *Akty institutsionalizatsii v nauchnom diskurse* [Акты институционализации в научном дискурсе]. In: *Actual problems of studying complex linguistic signs*. Materials of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Honored Scientist, Doctor of Philology, Professor A.V. Kunin, pp. 166–167. (in Russian)

Tomskaya, M.V. (2009b) *O konstruirovanii sotsial'noi identichnosti v mezhkul'turnoi nauchnoi kommunikatsii* [On the construction of social identity in intercultural scientific communication]. In: *Society – Language – Culture: Actual problems of interaction in the XXI century*. Moscow, pp. 172–183. (in Russian)

Trömel-Plötz, S. (1978) *Linguistik und Frauensprache*. *Linguistische Berichte*. S. 49–68. (in German)

Trömel-Plötz, S. (Hrsg.) (1982a) *Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen*. Frankfurt am Main. 405 S. (in German)

Trömel-Plötz, S. (1982b) *Frauensprache: Sprache der Veränderung*. Frankfurt am Main. 219 S. (in German)

Usmanova, M.V. (2006) *Gendernaya spetsifika kognitivnykh modelei situatsii (na materiale ustnykh spontannykh monologov)* [Gender specificity of cognitive models of situations (based on oral spontaneous monologues)]: special course workbook. Perm'. Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 152 p. (in Russian)

Vas'kova, O.A. (2006) *Gender kak predmet leksikograficheskogo opisaniya: Na materiale frazeologii* [Gender as a subject of lexicographic description: Based on phraseology]: dissertation for the degree of candidate of philological science. Moscow. 177 p. (in Russian)

Vepreva, I.T. (2012) *Zhenshchina v grammatike, slovare i rechevoi praktike* [Woman in grammar, vocabulary and speech practice]. In: Lyapon, M.V. (ed.) *Chelovek o yazyke – yazyk o cheloveke* [A man about a language – a language about a man]: Collection of articles in memory of academician N.Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 91–99. (in Russian)

Vepreva I.T., Pazio-Vlazlovskaya D. (2018) Chto mogut soobshchit' brachnye ob'yavleniya o sovremennoï zhenshchine (na materiale pol'skogo i russkogo yazykov) [What marriage announcements can tell about a modern woman (based on the material of Polish and Russian languages)]. *Rusin*. 52(2), 177–192. (in Russian)

Vepreva, I.T., Pazio-Vlazlovskaya, D. (2019) O proyavlenii gegemonnoi maskulinnosti sovremennykh muzhchin v tekste brachnogo ob'yavleniya (na materiale pol'skogo i russkogo yazykov) [On the manifestation of hegemonic masculinity of modern men in the text of a marriage announcement (based on the material of the Polish and Russian languages) to a woman (based on the material of the Polish and Russian languages)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 62, 54–68. (in Russian)

Walby, S. (2012) Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*. 46(2), 224–240.

Yurevich, A.V. *Sotsiogumanitarnaya nauka v sovremennoi Rossii: adaptatsiya k sotsial'nomu kontekstu* [Socio-Humanitarian Science in Modern Russia: Adaptation to the Social Context]. Available from: <http://polit.ru/article/2005/06/21/urevich/> [Accessed 3d January 2016]. (in Russian)

Yurevich, A.V. (2015) Imet li nauka natsional'nye osobennosti? [Does science have national characteristics?]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 36(1), 123–132. (in Russian)

Zagoruiko, Zh.S. (1999) *Professional'nyi «portret» maloi sotsial'noi gruppy: strukturno-semanticeskoe i stratifikatsionnoe opisanie* [Professional “portrait” of a small social group: structural-semantic and stratification description]: dissertation of the candidate of philological sciences. Perm'. 133 p. (in Russian)

Zakharova, T.N. (2006) *Semioticheskie sredstva vyrazheniya gendera v tekste na elektronnom nositele (na materiale nemetskikh chatov)* [Semiotic means of expressing gender in an electronic text (based on the material of German chats)]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. MGLU. 137 p. (in Russian)

Zdravomyslova, E.A., Tëmкина, A.A. (2015) *12 lektsiï po gendernoi sotsiologii* [12 lectures on gender sociology]: tutorial. Saint Petersburg. Izdatel'stvo Evropeïskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 768 c. (in Russian)

Zubareva, A.A. (2007) *Formuly russkogo rechevogo etiketa: sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [Formulas of Russian speech etiquette: sociolinguistic research]: Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Perm'. 19 p. (in Russian)

Zykova, I.V. (2002) *Gendernyi komponent v strukture i semantike frazeologicheskikh edinits sovremennogo angliiskogo yazyka* [Gender component in the structure and semantics of phraseological units of modern English]: dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow. 219 p. (in Russian)

Sources

Blog rjadovoj_rus. Available from: <https://rjadovoj-rus.livejournal.com> [Accessed 3d January 2020]. (in Russian)

Bloggen er fjernet. Available from: <http://theasbryllup.blogg.no> [Accessed 25th May 2016].

Borisov, P. *Ot dvoezhenstva k rannim brakam. Kak razvivalsya skandal so svad'boi 17-letnei devushki i nachal'nika chechenskogo ROVD* [From bigamy to early marriage. How the scandal developed with the wedding of a 17-year-old girl and the head of the Chechen police department]. Available from: <https://meduza.io/feature/2015/05/17/ot->

dvoezhenstva-k-rannim-brakam (дата обращения: 17.05.2015) [Accessed 17th May 2015]. (in Russian)

Gomoseksual'nost' i psikhicheskaya norma: material iz Vikipedii [Homosexuality and mental norm: material from Wikipedia]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гомосексуальность_и_психическая_норма#cite_note-НПЖ2006-31 [Accessed 10th April 2020]. (in Russian)

Khronologiya legalizatsii odnopolykh soyuzov: material iz Vikipedii [Timeline of legalization of same-sex unions: material from Wikipedia]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хронология_легализации_однополых_союзов [Accessed 10th April 2020]. (in Russian).

Matveeva, A. (2018) *Kukol'nyi dom: kak rabotaet pervyi bordel' s kuklami v Moskve* (01.05.2018) [Doll house: how the first brothel with dolls works in Moscow]. Available from: <https://riamo.ru/article/284830/kukolnyj-dom-kak-rabotaet-pervyj-bordel-s-kuklami-v-moskve.xl> [Accessed 3d May 2018]. (in Russian)

Olohan, M.M. (2019) *Mattel Releases Gender-Neutral Barbies in Efforts to Be 'More Inclusive'* (26.09.2019). Available from: <https://www.dailysignal.com/2019/09/26/mattel-releases-gender-neutral-barbies-in-efforts-to-be-more-inclusive/>. [Accessed 20th October 2019].

Pervyi brak mezhdru tremya muzhchinami zaklyuchili v Kolumbii (14.06.2017) [First marriage between three men was registered in Colombia]. Available from: <https://lenta.ru/news/2017/06/14/colombia/> [Accessed 3d May 2018]. (in Russian)

Protoierei Smirnov prizval ostavit' devochek bez shkol'nogo obrazovaniya [Protopriest Smirnov urged to leave girls without school education]. Available from: https://iz.ru/983362/2020-03-04/protoierei-smirnov-prizval-ostavit-devochek-bez-shkolnogo-obrazovaniia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews [Accessed 4th March 2020]. (in Russian)

Psikholog: gendernaya ideologiya — lish' naukoobraznaya obolochka ideologii LGBT (29.11.2017) [Psychologist: gender ideology is just a scientific shell of LGBT ideology]. Available from: <https://rvs.su/novosti/2017/psiholog-gendernaya-ideologiya-lish-naukoobraznaya-obolochka-ideologii-lgbt> [Accessed 30th March 2020]. (in Russian)

Smirnova, O. (2019) *V Peterburge otkrylsya bordel' s el'fami i podogrevom: sredi silikonovogo seks-personala est' odin skuchayushchii muzhchina* [A brothel with elves and heating has opened in St. Petersburg: there is one bored man among the silicone sex staff] (06.06.2019). Available from: <https://spb.mk.ru/social/2019/06/06/v-peterburge-otkrylsya-bordel-s-elfami-i-podogrevom.html> [Accessed 6th June 2019]. (in Russian)

Soldatov, A., Torop, A. *S obidoi na vse mirskoe. Pochemu protoierei Dimitrii Smirnov mozhet spokojno oskorblyat' lyudei* [With a grudge against everything worldly. Why Archpriest Dimitri Smirnov can calmly insult people]. Available from: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/17/83970-myagkiy-dobryy-i-otzyvchivyy-pastyr> [Accessed 19th February 2020]. (in Russian).

Steffen Königer German AfD Politician about Gendermania (English Subtitles). Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=H3pntGBYlho> (дата обращения: 22.03.2018). [Accessed 22nd October 2018].

Steshin, D. *Zachem model'ery Guchchi zastavili muzhchin pereodet'sya v zhenshchin* [Why did Gucci fashion designers make men change into women?]. Available from: <https://www.kp.ru/daily/27103/4177377/> [Accessed 12th March 2020]. (in Russian).

Tachmamedova, Zh. *Transseksualizm i pedofiliya uzhe ne patologiya? Novye normy psikiatrii* [Transsexualism and pedophilia are no longer pathologies? New norms of psychiatry] (05.06.2019). Available from: <https://regnum.ru/news/society/2642375.html> [Accessed 5th June 2019]. (in Russian).

V SShA otkrylsya magazin dlya yunykhn transgenderov [A shop for young transgender people opens in the USA] (IA Krasnaya Vesna 29.12.2017). Available from: <https://rossaprimavera.ru/news/d439f44b> (дата обращения: 27.05.2019) [Accessed 27th May 2019]. (in Russian)

V Turkmenii nachali massovo lishat' zhenshchin voditel'skikh prav (19.02.2019) [Turkmenistan began to deprive women of driving licenses en masse]. Available from: <https://news.mail.ru/society/36357981/> [Accessed 19th February 2019]. (in Russian)

Zapret poseshchenii basseina dlya zhenshchin v rossiiskom regione ob'yasnili (22.01.2020) [The ban on visits to the pool for women in the Russian region explained]. Available from: <https://lenta.ru/news/2020/01/22/explanation/> [Accessed 22th January 2020]. (in Russian)

©Kirilina A.V., 2021

Article history:

Received: 15.06.2021

Accepted: 20.09.2021

Bionotes:

Alla V. Kirilina – Doctor of Philology, Professor, Vice-rector for scientific research, Moscow International Academy.

Contact information:

15A Bld. 1, Novomoskovskaya St., Moscow, 129075

ORCID: 0000-0003-2395-1688

e-mail: alkira@list.ru

For citation:

Kirilina, A.V. (2021) Gender and gender linguistics at the border of the millennium. *Journal of Psycholinguistics*. 3(49), pp. 109–147. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147 (in Russian)